

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№2 (6) 2019 год

international
electronic
journal

Содержание

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болата «Саф юреклер» <i>Фетиева Э.О.</i>	4
Италия Достоевского <i>Бурлакова И.И.</i>	10
Поэтика Флоренции в творчестве Достоевского <i>Махмудова С.М.</i>	17
Отражение мультикультурализма в современной турецкой литературе на примере малой прозы Саит Фаик Абасьяныка <i>Шахин А.</i>	23
Специфика психологизма в творчестве Э.М. Ремарка (на материале произведения «Тени в раю») <i>Гусева Е.В.</i>	30

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Особенности реализации семантики диминутивности в рутульском языке <i>Мариза И.О.</i>	40
Метафоры войны в киноновелле Кшиштофа Кесьлевского «Не лжесвидетельствуй» из цикла «Декалог» <i>Гусева Е.В.</i>	44

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Лингвокультурное влияние испанского языка (латиноамериканских разновидностей) на американский вариант английского языка <i>Уткина Л.Н.</i>	51
---	----

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Российский рынок труда в сфере образования <i>Махмудова С.М.</i>	59
Развитие устной речи билингов с использованием современных интерактивных технологий <i>Коннова Д.М.</i>	64

Contents

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler" <i>Fetieva E.O.</i>	4
Dostoevsky's Italy <i>Burlakova I.I.</i>	10
Poetics of Florence in the works of Dostoevsky <i>Makhmudova S.M.</i>	17
Reflection of multiculturalism in modern Turkish literature on the example of the small prose of Sait Faik Abasiyanyk <i>Shakhin A.</i>	23
The specificity of psychologism in the works of E.M. Remark (on the material of the work "Shadows in Paradise") <i>Guseva E.V.</i>	30

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Features of the implementation of the semantics of diminutiveness in the Rutul language <i>Mariza I.O.</i>	40
Metaphors of the war in the Kszysztof Kieslowski kinovelle "Do not bear false witness" from the "Decalogue" cycle <i>Guseva E.V.</i>	44

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND PROBLEMS OF GLOBALIZATION: PSYCHO-, SOCIO- AND ETHNOLINGUISTICS

Linguocultural influence of Spanish (Latin American varieties) on American English <i>Utkina L.N.</i>	51
--	----

CHRONICLES OF SCIENTIFIC LIFE

Russian labor market in education <i>Makhmudova S.M.</i>	59
Development of bilingual speech using modern interactive technologies <i>Konnova D.M.</i>	64

Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер»

Фетиева Э.О.,

старший преподаватель кафедры крымскотатарской филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия, elfeos009@mail.ru

В статье рассматриваются обстоятельства образа действия, составляющие структуру предложений в романе Ю. Болат «Саф юреклер». Выявлены семантические виды обстоятельств образа действия, проанализированы способы их выражения с учётом грамматических признаков и синтаксических отношений. В крымскотатарском языке обстоятельства образа действия выражаются наречиями, деепричастиями, деепричастными оборотами, абстрактными существительными, словосочетаниями и дают внутреннюю характеристику действия, квалифицируют процесс и тем самым отличаются от обстоятельств места и времени, которые, в свою очередь, характеризуют обстановку, при которой протекает событие, дающее его пространственно - временную характеристику.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, предложение, семантика, обстоятельство образа действия.

Для цитаты:

Фетиева Э.О. Виды и выражение обстоятельств образа действия, использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер» [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Fetieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060201 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Fetieva E.O. The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler" [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Fetieva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060201 (Accessed dd.mm.yyyy)

Каждый член предложения имеет свои семантические виды и свой способ выражения. В синтаксисе крымскотатарского языка обстоятельства делятся на следующие виды: обстоятельство места, обстоятельство времени, обстоятельство причины, обстоятельство цели, обстоятельство образа действия, обстоятельство меры и степени. В предложениях крымскотатарского языка обстоятельство образа действия связано с глаголом-сказуемым грамматически и семантически, поэтому синтаксическая связь между обстоятельством образа действия и сказуемым тесная. С точки зрения семантического подхода к анализу компонентов, составляющих структуру крымскотатарских предложений обстоятельства образа действия не анализировались, тем не менее их грамматические и семантические признаки представляют интерес к изучению. Возникает необходимость охарактеризовать их семантику, грамматические признаки и способы выражения. Из этого следует актуальность данной работы.

Изучению синтаксиса и семантики предложений посвящен ряд работ таких ученых, как А.С. Сафаев [7], М.В. Никитин [5], К.З. Ахмеров [3], И.Х. Ахматов [2], М.З. Закиев [4], Л.С. Оказ [6] и других.

Объектом нашей работы являются предложения крымскотатарского языка, выбранные из романа Ю.Болат «Саф юреклер».

Целью работы является описание и анализ грамматических, семантических признаков и особенностей обстоятельств образа действия в предложениях крымскотатарского языка.

Обстоятельства образа действия, как и другие синтаксические категории, характеризуются единством грамматической формы и грамматического смысла. «Формально-семантический подход к языку показывает, что во многих случаях второстепенные члены с точки зрения семантической устроенности предложения являются такими же необходимыми компонентами, как подлежащее и сказуемое» [2, с.40]. В предложениях крымскотатарского языка обстоятельства образа действия обозначают, как и каким образом выполнено действие и выражаются наречиями, деепричастиями, числительными, абстрактными существительными.

Следует разграничивать обстоятельство образа действия, выраженное существительным, от дополнения, так как обстоятельство обозначает внутренний признак действия, тогда как дополнение - предмет, который участвует в действии. Обстоятельство не характеризуется предметностью содержания в отличие от дополнения.

Севги асретликнен сыналыр

Любовь испытывается в тоске.

Существительное с послелогом -нен асретликнен утрачивает соотнесенность с предметным значением и тем самым является обстоятельством образа действия, тесно связываясь с глаголом-сказуемым.

В крымскотатарском языке обстоятельства образа действия связаны с глаголом-сказуемым примыканием и некоторые из них находятся рядом с ним в препозиции и могут состоять из одного и более слов, подразделяются на простые и сложные.

Соньки вакытларда онынъ табиатына яваш-яваш алышам.[8,с.90]

В последнее время потихоньку привыкаю к его характеру.

Обстоятельство образа действия яваш-яваш, выраженное наречием из двух повторяющихся слов, в крымскотатарском языке является устойчивым.

В синтаксической структуре крымскотатарского предложения каждый член имеет свое определенное место, и, чтобы предложение было достаточно распространенным в информативном плане, необходимо включать в его синтаксическую конструкцию обстоятельственные компоненты, такие, как обстоятельства образа действия, которые распространяют и дополняют смысл предложения. Синтаксическая и смысловая связь между членами предложения отражает отношения между компонентами и их взаимосвязанность друг с другом. В семантико-синтаксической структуре крымскотатарского предложения обстоятельство образа действия конкретизирует метод совершения действия и качество состояния.

С учетом грамматических и семантических признаков, мы выделили некоторые виды обстоятельств образа действия в предложениях крымскотатарского языка.

Обстоятельства образа действия, обозначающие напряженность или слабость действия, выражающиеся наречиями, деепричастиями, существительными с послелогом -нен, словосочетаниями:

Зарифе енге агъыз ачмады ве башыны салландырып, яваштан кабинеттен чыкъты [8, с.231]

Зарифе енге ничего не сказала и, свесив голову, потихоньку вышла из кабинета.

О, зорнен кулюмсиреди, озюне къачамакъ арады [8, с.53]

Он с трудом улыбнулся и стал искать себе убежище.

Яшлар тыныш олмадан, къызгынлыкънен чалыштылар [8, с.55] Молодежь работала с горячностью, не переставая.

Фетиева Э.О.

Виды и выражение обстоятельств образа действия,
использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер»
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 4–9.

Fetieva E.O.

The types and expression of the circumstances of the
course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf
Yurekler"
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 4–9.

Вызнен айлангъан роторнынъ арекети яваш-яваш сакинлешип, бир къач саниеден токътап къалды [8, с.55]

Через несколько секунд движение крутящегося со скоростью ротора, потихоньку замедлившись, остановилось.

Терекнинъ янашасындан салмакълап, балтаны бутюн кучюнен ашагъы эндирди [8, с.201]
Наклонив дерево рядом, со всей силой опустил топор.

Обстоятельства образа действия, обозначающие повторность, многократность действия:
Уста бу худжур телеграмманы текрар-текрар окъуса да, ондан ич бир шей анълап оламады [8, с.148]

Мастер снова и снова хоть и читал эту странную телеграмму, все равно ничего не понял.

О, кене балтагъа узанды, оны кене башы устюне котерди [8, с.201]
Он опять потянулся к топору, опять поднял его над головой.

Обстоятельства образа действия, обозначающие неожиданность действия :
Бугунъ саба апансыздан къыбла ели котерильди [8, с.154]
Сегодня утром неожиданно поднялся южный ветер.

Обстоятельства образа действия, обозначающие сравнение, где действие сопоставляется с уподоблением, выражаются существительным с послелогом киби и наречием:

Бу сезлер Айшенинъ юрегинде атеш киби тюштилер [8, с.241]
Эти слова, как огонь, вошли в сердце Айше.

Чырайы кягъыт киби агъарды [8, с.152]
Его лицо побледнело, как бумага.

Сабир Мухамедович аякъкъа турып, достчасына Сервернинъ элини сыкъты [8, с.22]
Сабир Мухамедович, встав, по-дружески пожал руку Сервера.

Зинаида Федоровна балаларджасына къуванды [8, с.149]
Зинаида Федоровна по-детски обрадовалась.

Обстоятельство образа действия, обозначающее состояние субъекта:

Яшларнынъ эджанланып-иркилип къалувлары директорны джан-юректнен джоштырды [8, с.161]
Волнение молодежи от души взбудоражило директора.

Олар бугунъ къуюны буравлап битиреджек ве шень-шерамет иштен къайтаджакълар [8,с.156]
Они сегодня закончат бурение скважины и радостно возвратятся с работы.

Олар сес-солукъсыз эвге кирдилер [8,с.153] (
Они бесшумно зашли домой.

Устанынъ юреги ынджынувнен сызлады [8,с.148]
Сердце мастера заныло от огорчения.

Фетиева Э.О.

Виды и выражение обстоятельств образа действия,
использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер»
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 4–9.

Fetieva E.O.

The types and expression of the circumstances of the
course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf
Yurekler"
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 4–9.

Олар экиси де рушенликнен кульдилер [8,с.138]
Они оба радостно рассмеялись.

Теклифиньизге джан-гонъюлимнен къошулам [8,с.62]
От всей души присоединяюсь к вашему предложению.

Адилге ве онынъ буравджыларына урьметнен бакъа башладылар [8,с.160]
На Адиля и его буровиков стали смотреть с уважением.

Уста буюк мемнюниетнен мыйыкъларыны бурып алды [8,с.52]
Мастер с большим удовольствием покрутил свои усы.

Обстоятельства образа действия, обозначающие моментальность действия, выражающиеся
деепричастием, наречием:

Сервер бир джаннен аякъкъа турып, телеграмманы алды,оны алель-аджеле козьден кечирди
[8,с.128]

Сервер, резко встав, взял телеграмму, быстро просмотрел ее.

Лякин портрет рамасына оралгъан къара шертни коререк, бирден кери чекильди [8,с.117]
Но увидев черную ленту, которым была обвита рама портрета, сразу отшатнулся.

Обстоятельства образа действия, обозначающие способ совершения действия:
Промкин утана-утана азбаргъа кирди ве эписинен эль тутушып чыкъты [8,с.148]
Промкин, стесняясь, зашел во двор и со всеми поздоровался.

Сервер исе гъамлы бир давушнен девам этти [8,с.39]
Сервер продолжил грустным голосом.

Озюнинъ тюкенмез гъайрети ве зийрек акъылынен баштан-аякъ ишке берильди [8,с.24]
Со своим неисчерпаемым усердием и проницательным умом с головой погрузился в работу.

Олар чифт-чифт оларакъ, эль тутушкъан алда, йырлап-кулюшип кетмекте эдилер [8,с.155]
Они шли парами, держась за руки, смеясь.

Проанализировав предложения в романе Ю. Болат «Саф юреклер», можно прийти к
следующим выводам: обстоятельства образа действия наполняют смысл предложения, дополняют и
конкретизируют его.

Учитывая грамматические и семантические признаки, мы выделили некоторые виды
обстоятельств образа действия. Из них наиболее часто употребляемые - это обстоятельства образа
действия, обозначающие напряженность или слабость действия; обстоятельство образа действия,
обозначающее состояние субъекта; обстоятельства образа действия, обозначающие способ
совершения действия.

Литература

1. *Акъомллаев Э.С. Къырымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис: Учебное
пособие/Э.С.Акъомллаев. -Ташкент: Укъитувчи, 1989. -160 с.*

Фетиева Э.О.

Виды и выражение обстоятельств образа действия,
использованных в романе Ю. Болат «Саф юреклер»
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 4–9.

Fetieva E.O.

The types and expression of the circumstances of the
course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf
Yurekler"
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 4–9.

2. Ахматов И.Х. *Вопросы теории словосочетания и предложения в тюркских языках: Статьи/Предисл. М.З. Улакова и М.Б. Кетенчиева; Послесл. М.З. Закиева./И.Х. Ахматов. - Нальчик: Эльбрус, 2006. -280 с. ISBN 5-7680-2087-X*
3. Ахмеров К.З. *Синтаксис простого предложения в башкирском языке/ К.З.Ахмеров – Уфа: Башк.книж. изд-во, 1958*
4. Закиев М.З. *Синтаксический строй татарского языка/ М.З.Закиев – Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1961.- 286 с.*
5. Никитин М.В. *Основы учения о второстепенных членах предложения. Исследования по семантике. Семантический аспект синтаксиса/М.В. Никитин// Межвузовский научный сборник, -Уфа: Башк. гос. ун-т, 1985.-С. 102-108.*
6. Оказ Л.С. *Признаки основных структурных конструкторов крымскотатарского простого предложения и факторы их взаимодействия / Л.С. Оказ // Горизонты прикладной лингвистики и лингвистических технологий. Доклады международной научной конференции 22-28 сентября 2008, Украина, Крым, Партенит, 2008. - С. 75-77.*
7. Сафаев А.С. *Семантико-синтаксическое членение предложения в узбекском языке /А.С.Сафаев. -Ташкент: ФАН, 1977. -142 с.*
8. Болат Ю. *Саф юреклер. -Гослитиздат УзССР. -Ташкент, 1962. - 340 с.*

The types and expression of the circumstances of the course of action used in the novel by Yu. Bolat "Saf Yurekler"

Fetieva E.O.,

Senior Lecturer, Department of the Crimean Tatar Linguistics Faculty of Crimean Tatar and Oriental Philology, Taurida National Academy of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Republic of Crimea, Russia, elfeos009@mail.ru

In the article the circumstances of character are examined actions making the structure of suggestions in the novel of Yu.Bolat "Saf Yurekler". The semantic types of circumstances of character of action, analysis methods of their expression, are deduced, taking into account grammatical signs and syntactic relations. In the крымскотатарском language of circumstance of character of action expressed by dialects, verbal adverbs, adverbial participial turns, abstract nouns, word-combinations and give internal description of action, characterize a process and it is differed the same from the circumstances of place and time, that in turn characterize a situation an event giving him spatially flows at that, - temporal description.

Keywords: crimean tatar language, syntax, suggestion, semantics, circumstance of character of action.

References

1. Ak'mollaev E.S.K'yiryimtatar tilinin' ameliyatyi.Sintaksis:Uchebnoe posobie/E.S.Ak'mollaev.- Tashkent:Uk'ituvchi,1989.-160s.
2. Ahmatov I.H. Voprosyi teorii slovosochetaniya i predlozheniya v tyurkskih yazyikah:Stati/Predisl.M.Z.Ulakova i M.B.Ketenchieva; Poslesl. M.Z.Zakieva./I.H.Ahmatov.- Nalchik:Elbrus,2006.-280s. ISBN 5-7680-2087-X
3. Ahmerov K.Z. Sintaksis prostogo predlozheniya v bashkirskom yazyike./ K.Z.Ahmerov – Ufa: Bashk.knizh. izd-vo, 1958
4. Zakiev M.Z. Sintaksicheskiy stroy tatarskogo yazyika./ M.Z.Zakiev – Kazan: Izd-vo Kazan. Un-ta, 1961.-286s.
5. Nikitin M.V. Osnovyi ucheniya o vtorostepennyih chlenah predlozheniya. Issledovaniya po semantike. Semanticheskiy aspekt sintaksisa/M.V.Nikitin// Mezhvuzovskiy nauchnyiy sbornik,- Ufa:Bashk.gou un-t,1985.-S102-108.
6. Okaz L.S. Priznaki osnovnyih strukturnyih konstruktov kryimskotatarskogo prostogo predlozheniya i faktoryi ih vzaimodeystviya / L.S. Okaz // Gorizontyi prikladnoy lingvistiki i lingvisticheskikh tehnologiy. Dokladyi mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 22-28 sentyabrya 2008, Ukraina, Kryim, Partenit, 2008.- S. 75-77.
7. Safaev A.S.Semantiko-sintaksicheskoe chleneniepredlozheniya v uzbekskom yazyike /A.S.Safaev-Tashkent:FAN,1977.-142s.
8. Bolat.Yu. Saf yurekler-Goslitzdat UzSSR-Tashkent,1962.- 340s.

Италия Достоевского¹

Бурлакова И.И.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета iiburlakova@mail.ru

Тема «Достоевский и Италия» обширна и разнообразна в связи с тем, что ряд исследователей постоянно обращается к ней, открывая новые страницы жизни великого писателя. Она включает в себя следующие направления исследовательской деятельности: путешествие Достоевского по Италии, образы Италии на страницах произведений Достоевского, рецепция творчества писателя в публицистике, кинематографе и искусстве, проблемы перевода произведений Достоевского на итальянский язык. Специальное обращение к данной теме показывает, что эти четыре направления исследования связаны в творчестве Достоевского с такими городами Италии, как Рим, Флоренция и Неаполь. Это и определяет проблематику данной статьи. Автор предполагает, что есть особая целостность во всех разрозненных впечатлениях и сюжетах Достоевского, связанных с Римом, Неаполем, Флоренцией. Великие романы Достоевского зарождаются в Риме на фоне великих творений итальянской архитектуры. Неаполь – город мечты, город, где «шум, гром, жизнь», оказывается переплетён с роковой любовью Достоевского, с поистине итальянскими страстями, которые определяли историю любви писателя и Аполлинарии Суловой. Флоренция – город тихого семейного счастья и уюта, которые так необходимы были писателю в период его творческого рассвета.

Ключевые слова: Италия, Ф.М. Достоевский, итальянские города, архитектура, культура.

Для цитаты:

Бурлакова И.И. Италия Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060202 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Burlakova I.I. Dostoevsky's Italy [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060202 (Accessed dd.mm.yyyy)

Тема «Достоевский и Италия» обширна и разнообразна в связи с тем, что ряд исследователей постоянно обращается к ней, открывая новые страницы жизни великого писателя. Она включает в себя, следующие направления исследовательской деятельности: путешествие Достоевского по Италии, образы Италии на страницах произведений Достоевского, рецепция творчества писателя в публицистике, кинематографе и искусстве, проблемы перевода произведений Достоевского на итальянский язык.

Специальное обращение к данной теме показывает, что эти четыре направления исследования связаны в творчестве Достоевского с такими городами Италии, как Рим, Флоренция и Неаполем. Это и определяет проблематику данной статьи.

Ф.М. Достоевский выезжал в Западную Европу 8 раз, прожив в общей сложности за границей около 6 лет. Поездки 1862 и 1863 г. были традиционно туристическими. Именно во время этих поездок Достоевский впервые знакомится с Италией и итальянской культурой [1, с. 272-292].

В «Зимних заметках о летних впечатлениях», которые Ф.М. Достоевский написал в 1863 г., пользуясь дневниковыми записями о его впечатлениях от первого заграничного путешествия 1862 г.,

¹ Проект выполнен при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034. Достоевский и Италия).

он отмечает: «За границей я не был ни разу....; Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже все осмотреть, непременно все, несмотря на срок.» [5;46]. В письме, адресованном Н.Н.Страхову, которое Ф.М. Достоевский написал из Парижа 28 июня/8 июля 1862 г., он следующим образом описывает свое первое путешествие по Италии: «Что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии. Ах, кабы нам вместе: увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго, приласкаем молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич?)» [28 (2); 28]. Можно увидеть, что в самом общем представлении Италия ассоциируется у Достоевского в первую очередь с Неаполем, Римом и Венецией. Однако Венеция в письме Достоевского представляется не столько как город, сколько как образ или ожидание любовных приключений, которые могли бы произойти в этом городе: «приласкаем молодую венецианку в гондоле». Таким образом, Италия в самых первых ожиданиях Достоевского – это страна Неаполя, Рима и любовных ожиданий.

Несмотря на планы, которые Достоевский описал в письме Н.Н. Страхову, он не увидит во время первой поездки по Италии ни Неаполя и ни Рима по не известным нам пока причинам. Но известно, что в 1862 г. Достоевский провел в Италии почти две недели и за это время посетил несколько городов: Турин, Геную, Флоренцию, Венецию, Милан, Верону [1, 272-292].

Приходится констатировать тот факт, что сохранилось мало документальных свидетельств о первом итальянском путешествии Достоевского. Единственным свидетельством воспоминаний писателя о его первом заграничном путешествии стали упомянутые выше «Зимние заметки о летних впечатлениях» 1863 г. В этом серьезном публицистическом произведении, посвященном историческим судьбам Европы и России, специфическим особенностям европейской культурной цивилизации, в центре внимания писателя сосредотачиваются три государства: Германия, Франция и Англия. Италия упоминается редко и представлена, прежде всего, перечислением городов, которые смог посетить во время своего путешествия Достоевский: « Я был в (...) Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции» [5;46]. Но кроме такого перечисления городов в «Зимних заметках о летних впечатлениях» содержатся два крупных отрывка текста, которые по своему содержанию связаны с Италией. Причем эти фрагменты имеют прямое отношение к тем городам Италии, которые Достоевский планировал посетить, но не посетил - к Риму и Неаполю.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский пишет о Риме с сожалением о том, что ему не удалось его посетить во время своего первого путешествия по Европе: «Ведь я теперь, сидя дома, об чем тоскую наиболее, вспоминая о моих летних странствованиях? Не о том, что я ничего не разглядел в подробности, а о том, что вот почти ведь везде побывал, а в Риме, например, так и не был. А в Риме я бы, может быть, пропустил папу...» » [5;47]. Так Рим выступает в произведении как город, в котором писатель так и не смог побывать, но о котором теперь «тоскует», «сидя дома».

Этот небольшой фрагмент текста о Риме показывает важную религиозно-философскую проблематику, которая навсегда будет связана в творчестве Достоевского со столицей Италии, - проблему католицизма «А в Риме я, может быть, пропустил папу...». По мнению Е.Г. Новиковой, «...отношение Достоевского к католицизму – очень занимательная, глубокая и неоднозначная проблема, которая до сих пор вызывает серьезную полемику. Достоевский как религиозный мыслитель много размышлял об истории христианской церкви, о католицизме и православии [4, 36-37]. Кульминацией этой проблематики в творчестве писателя станет известная поэма о Великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы», монолог Великого инквизитора, обращенный к Христу: «Мы давно уже не с Тобою, а с ним» [14; 234]. С «ним» - с тем «страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия..» [14; 229], который искушал Христа в пустыне, то есть с дьяволом. Современная церковь – церковь не Христа, но дьявола, утверждает Иван Карамазов. Алеша «вдруг заговорил, точно сорвался с места».

- Но... это нелепость! - вскричал он, краснея. - Поэма твоя есть хвала Иисусу, а не хула... как ты хотел того. И кто тебе поверит о свободе? Так ли, так ли надо ее понимать! То ли понятие в православии... Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, - это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!.. » [14; 237].

Второй фрагмент «Зимних заметок о летних впечатлениях» об Италии посвящён Неаполю. В своих размышлениях об истории, политике, культуре современной Европы Достоевский опирается на описание Германии, Франции и Англии. Обращение к Франции носит специфический характер, т. к. представляет собой развернутую и жесткую критику европейского «буржуа», ярким примером которого, по мнению Достоевского, выступает французский буржуа. (См. шестую главу «Зимних заметок о летних впечатлениях», которая названа писателем «Опыт о буржуа» и связана эта глава с Парижем).

В данном контексте возникает второй фрагмент, прямо противоположный по смыслу, связанный с Италией: «Сидел я раз за одним табльдотом – это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. Тогда везде толковали о Гарибальди. Это было недели за две до Аспромонте. Разумеется, говорили загадочно; иные молчали и не хотели совсем высказываться; другие качали головами. Общий смысл разговора был тот, что Гарибальди затеял дело рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнение с недоговорками, потому что Гарибальди – человек до того всем не в уровень, что у него, пожалуй, и выйдет благоразумно даже и то, что по обыкновенным соображениям выходит слишком рискованным. Мало-помалу перешли собственно к личности Гарибальди. Стали перечислять его качества – приговор был довольно благоприятный для итальянского героя.

– Нет, я одному только в нем удивляюсь, – громко проговорил один француз, приятной и внушительной наружности, лет тридцати и с отпечатком на лице того необыкновенного благородства, которое до нахальства бросается вам в глаза во всех французах. – Одно только обстоятельство меня в нем наиболее удивляет!

Разумеется, все с любопытством обратились к оратору.

Новое качество, открытое в Гарибальди, долженствовало быть для всех интересным. – В шестидесятом году, некоторое время, в Неаполе, он пользовался неограниченной и самою бесконтрольной властью. В руках у него была сумма в двадцать миллионов казенных денег! В этой сумме он никому не давал отчета! Он мог взять и утаить сколько угодно из этой суммы, и никто бы с него не спросил! Он не утаил ничего и сдал правительству все счетом до последнего су. Это почти невероятно!!

Даже глаза его разгорелись, когда он говорил о двадцати миллионах франков.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди с хаптурками из казенного мешка – это, разумеется, мог сделать только один француз» [5;83-84].

Таким образом, Неаполь во втором фрагменте об Италии «Зимних заметок о летних впечатлениях» оказывается связанным с Гарибальди - величайшей исторической личностью Италии. Его героический и яркий образ Достоевский противопоставляет вульгарному французскому буржуа.

В 1863 г., во время второго заграничного путешествия, состоялось первое посещение Рима и Неаполя Достоевским. В письме к И.С. Тургеневу от 6/18 октября 1863 г. Достоевский пишет: «Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был» [28;54]. В этом же году писатель побывает во многих европейских городах, но назовёт он только два города, которые особенно его «поразили» – Рим и Неаполь. Создается впечатление, что эти два города существуют в определённой внутренней связи между собой в сознании писателя: «... увидим Неаполь, пройдемся по Риму», «Рим и Неаполь сильно меня поразили».

Можно наблюдать, что ожидания Достоевского, которые относятся к этим двум городам, оправдались, т.к.: «сильно меня поразили». Чем же «поразили» Достоевского эти два города? Свои впечатления о Риме писатель передает в одном из писем, а описание Неаполя можно встретить на страницах романа «Идиот».

Из Рима Достоевский пишет два письма. Адресатом первого письма был Н.Н. Страхов, а адресатом второго письма выступил П.А. Исаев. Эти письма датированы одним днем, 8/30 сентября 1863 г.

Из письма Н.Н. Страхову: «Боже мой! Да разве это можно описывать в письмах? Приехал третьего дня ночью. Вчера утром осматривал Св<ятого> Петра. Впечатление сильное, Николай

Николаевич, с холодом по спине. Сегодня осматривал Forum и все его развалины. Затем Колизей! Ну что ж я Вам скажу» [28;52]. Свои первые впечатления о Риме Достоевский представляет с точки зрения туриста, который со вниманием осматривает знаменитые римские достопримечательности, т. к. Рим «заставил» его стать простым и восторженным туристом. «Тут много развлечения, есть что видеть и осматривать», - пишет Достоевский в письме и к П.А. Исаеву из Рима. [28; 49].

Как пишет Е.Г. Новикова, - «...в то же время Достоевский, осматривающий в Риме великие памятники архитектуры, не был простым, неискушенным зрителем. Следует напомнить о том, что Достоевский по образованию – военный инженер. В 1830-1840 –х годах он прошел полный курс обучения в Главном инженерном училище Санкт-Петербурга – одном из самых лучших высших учебных заведений России того времени. Из стен училища Достоевский вышел в звании «полевой инженер-поручик», и его первой государственной службой стала работа чертежником в санкт-петербургской Инженерной команде. В учебных планах училища значительное место было отведено архитектуре, и Достоевский изучал ее на протяжении нескольких семестров. Обучение архитектуре в то время базировалось на изучении великих архитектурных памятников, это была, прежде всего, история мировой архитектуры. Очевидно, что римские памятники занимали здесь свое достойное место. Учился будущий писатель добросовестно и серьезно, поэтому, впервые оказавшись в Риме, он осматривает собор св. Петра, Форум, Колизей как инженер, уже хорошо знакомый с ними, предварительно их изучивший» [5, с. 123-124], [11].

Таким образом, Рим Достоевского – это великие архитектурные памятники - Собор св. Петра, Форум, Колизей.

Неаполь и воспоминания о нем включены Достоевским в роман «Идиот». Князь Мышкин рассказывает в доме Епанчиных о том состоянии, которое владело им за границей, в Швейцарии, о своих переживаниях и мечтах: «Вот тут-то, бывало, и зовет всё куда-то, и мне всё казалось, что если пойти всё прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас; такой большой город мне всё мечтался, как Неаполь ... Да мало ли что мечталось! А потом мне показалось, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти» [8;51].

Неаполь - это яркий и шумный город, выражающий итальянский темперамент, стиль, современный прогресс: «...в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...». Свое впечатление о Неаполе Достоевский использует тогда, когда князь Мышкин пытается описать «новую жизнь» и мир, который человек пытается найти за горизонтом: «зайти вот за эту линию, ... где небо с землей встречается ... и тотчас новую жизнь увидишь .. такой большой город .. как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь». Таким образом, Неаполь представлен в романе «Идиот» как город мечты, как воплощение мечты человека о новой жизни [9].

Как известно из документальных источников, свое второе заграничное путешествие Достоевский совершил вместе с Аполлинарией Суловой. С ней же он посетил и Италию. А в 1865 г. Достоевский пишет известное письмо ее сестре Н.П. Суловой, в котором объясняет причины разрыва: «Аполлинария – большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны, - пишет он. И далее: ... Я многое бы мог написать про Рим, про наше житье с ней в Турине, в Неаполе, да зачем, к чему?» [28; 121].

В это же время А.П. Сулова ведёт дневник, который позже станет основой книги «Годы близости с Достоевским», подготовленной А.С. Долининым [8]. По мнению многих исследователей, к запискам А.П. Суловой следует относиться с осторожностью, но, тем не менее, некоторую интересующую нас информацию мы здесь почерпнули. Так, в дневнике есть запись, фиксированная: «Рим. 29 сентября». В этой записи она описывает ссору с Достоевским, которая длится несколько дней: «Федор Михайлович опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят. ... У него была мысль, что это каприз, желание помучить», и пр. Эта запись отнесена к 29 сентября 1863 г. В свою очередь, Достоевский напишет в следующий день, 30 сентября 1863 г., два письма, упоминавшихся выше. Эти три документа объединяет сквозная единая тема Рима, но развивается она в них по-разному. В письме к Н.Н. Страхову мы чувствуем «яркие эмоции эстетического восхищения и наслаждения». Впечатление сильное ... с холодом по

спине». В письме к П.А. Исаеву мы находим более сдержанное высказывание об осмотре римских достопримечательностей, которое переключается с мотивом тоски по родине: «И хоть тут много развлечения, есть что видеть и осматривать, но очень хочется воротиться в Россию. Так что в иную минуту тяжело за границей» [28;49].

Наконец, в записи А.П. Суловой мы находим мотив «осмотра» Рима Достоевским. А.П. Сулова, передавая взаимные упреки, которыми они обмениваются с Достоевским во время затянувшейся ссоры, пишет: «Нехорошо мне, - сказал он серьезно и печально. – Я осматриваю все как будто по обязанности, как будто учу урок». Таким образом, пребывание в Риме могло заставить его вспомнить уроки изучения великой римской архитектуры в Инженерном училище [7, 8].

Далее в записях А.П. Суловой возникает Неаполь: «В Неаполе на корабле встретили Герцена со всем семейством... Федор Михайлович много говорил ему обо мне, и Герцен был внимателен. С молодым Герценом я тоже говорила... Во время моего разговора с ним Федор Михайлович, когда я была одушевлена, прошел мимо и не остановился, я подозвала его, он обрадовался. Молодой Герцен сказал, что зимой будет в Париже и придет ко мне, спросил мой адрес... Я дала Герцену адрес. Федор Михайлович провожал Герцена и был у них в гостинице. Возвратясь, он беспокойно сказал, чтобы я ему непременно написала, если у меня будет Герцен. Я обещала. Вообще, он ничего не говорил со мной о молодом Герцене, но когда я первая довольно легко заговорила, он продолжал и отозвался не совсем в его пользу. Еще он мне сказал, что у Герцена увидел мою карточку, которую я дала ему с моим адресом. На ней была записана Александром фраза отца: «С одним рассудком люди не далеко бы ушли» [7, 8].

Эта «неаполитанская» история - описание кокетства А.П. Суловой с Александром Герценом, которое происходило на глазах ревнующего и страдающего Достоевского. Последняя запись о Неаполе в дневнике А.П. Суловой - закономерный итог их совместного пребывания в городе: «В день отъезда из Неаполя мы с Федором Михайловичем поссорились» [8]. Для самого Достоевского Неаполь, представлявшийся городом мечты и прекрасной новой жизни, обернулся тяжелыми переживаниями «неаполитанской» истории А.П. Суловой с молодым Герценом.

Третье путешествие Достоевского в Италию тесным образом связано с его семейной жизнью, более спокойной и более размеренной, но полной тревог, лишений и забот. Писатель, заботясь о здоровье жены, вынужден выехать в Италию. Из воспоминаний дочери писателя Л.Ф. Достоевской мы узнаем: «Тогда мои родители решили перезимовать в Италии; надеялись, что солнце юга вернёт здоровье моей матери. Они уехали одни: бабушка осталась в Швейцарии со своими внуками Сватковскими, которые по предписанию докторов должны были провести зиму в Женеве... Ехали дилижансом через Симплон. Моя мать всегда с удовольствием вспоминала эту поездку. Был август, погода стояла прекрасная. Дилижанс тащился в гору медленно, пассажиры предпочитали идти пешком, срезая повороты. Моя мать шла, опираясь на руку мужа; ей казалось, что она оставляет горе по ту сторону Альп, а там, в Италии, жизнь снова улыбнется ей. Моей матери тогда едва исполнился двадцать один год: в этом возрасте жажда счастья так сильна, что смерть трёхмесячного ребёнка не может надолго омрачить жизнь» [2, с. 157-159].

В Италии Достоевские остановились сначала в Милане, а потом, ближе к осени, переехали во Флоренцию. Так вспоминает Л.Ф. Достоевская их пребывание в этом городе: «Мой отец хотел ещё раз полюбоваться знаменитым собором, который поразил его воображение во время его первого путешествия по Европе. Он осмотрел его со всех сторон, поражался красоте фасада, пожелал даже подняться на кровлю, чтобы насладиться видом на долину Ломбардии, который оттуда открывается. Когда зарядили осенние дожди, отправились во Флоренцию, решив провести там зиму. Они никого там не знали и несколько месяцев прожили наедине друг с другом. Достоевский не любил случайных, ни к чему не обязывающих знакомств. Если человек ему нравился, он предавался ему всем сердцем и становился ему другом на всю жизнь, но не находил нужным раздаривать свою дружбу кому попало. Во Флоренции мой отец был очень занят: он писал роман “Идиот”, который начал в Женеве. Моя мать помогала ему, стенографируя то, что он ей диктовал. Она боялась, однако, отвлекать его в часы раздумий и придумала себе занятие – основательно изучить Флоренцию с её прекрасными церквями и великолепными собраниями произведений искусства. Она обычно назначала мужу встречу перед

какой-нибудь известной картиной; окончив на этот день работу, Достоевский присоединялся к ней в палатце Питти. Мой отец не любил изучать картинные галереи с Бедкером в руках; в первое же посещение он выбирал несколько картин, которые ему нравились, и потом не раз возвращался полюбоваться ими, не обращая внимания на остальное. Он подолгу задерживался перед своими любимыми произведениями, объясняя жене, какие мысли пробуждают в нём эти знаменитые картины. Потом они шли гулять по городу, вдоль Арно. По дороге домой часто делали крюк, чтобы полюбоваться бронзовыми дверями Баптистерия, которыми мой отец восторгался. В хорошую погоду они ходили в парк в Кашине или в сад Боболи. Розы, которые цвели там в январе, поразили воображение северян. В это время года мои родители привыкли видеть реки, скованные льдом, улицы, заваленные снегом, прохожих, закутанных в меха; цветы в январе казались им каким-то чудом. Мой отец говорил о розах Боболи в письмах к друзьям; мать рассказывает о них в своих воспоминаниях» [2, с. 157-159].

Достоевский был счастлив во Флоренции. Как пишет в воспоминаниях его дочь Любовь Федоровна: «...мне кажется, это были самые гармоничные месяцы их свадебного путешествия. Достоевский очень любил Италию; он говорил, что итальянские крестьяне напоминают ему русских» [2, 157-159].

Хочется предположить, что есть особая целостность во всех этих разрозненных впечатлениях и сюжетах Достоевского, связанных с Римом, Неаполем, Флоренцией. Великие романы Достоевского зарождаются в Риме на фоне великих творений итальянской архитектуры (о них написано в одном и том же письме). Неаполь – город мечты, город, где «шум, гром, жизнь» оказывается переплетён с роковой любовью Достоевского, с поистине итальянскими страстями, которые определяли историю любви писателя и Аполлинару. Флоренция – город тихого семейного счастья и уюта, которые так необходимы были писателю в период его творческого рассвета.

Литература

1. Брусовани М.И., Гальперина Р.Г. *Заграничные путешествия Ф.М. Достоевского 1862 и 1863 гг.* // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1988. Т.8. С. 272-292.
2. Достоевская Л.Ф. *Мой отец Федор Достоевский* / Л.Ф. Достоевская; (Вступительная, общая редакция, примечания Б.Н. Тихомирова, перевод с фр. Н.Д. Шаховской) – М.: ООО «БОСЛЕН», 2017. – 512 с., ил.. С. 157-159.
3. *Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3-х т.* СПб., 1993. Т.1. С. 374-375.
4. Новикова Е.Г. *Рим и Неаполь Достоевского.* СПб.: «Серебряный век», *Достоевский и мировая культура*, 2009. - №26. – С. 35-43.
5. Новикова Е.Г. *Инженерное образование и миромоделирование Ф.М. Достоевского* // III *Международная научно-практическая конференция «Прикладная филология и инженерное образование». Рабочие материалы.* Изд-во ТомПУ, Томск. 2005. С.123-124.
6. *Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30-ти томах / АН СССР, Института русской литературы (Пушкинский дом); [редкол.: В.Г. Базанов (гл. ред.), Г.М. Фриденд, В.В. Виноградов и др.] – Наука. Ленинградское отделение, 1972 – 1990.*
7. Сараскина Л.И. *Возлюбленная Достоевского. Аполлинурия Сулова: биография в документах, письмах, материалах.* М., 1994.
8. Сулова А.П. *Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма.* М., 1928 (репринт. М., 1991).
9. Тарасов Б.Н. *Две Европы Достоевского* // *Литературная учеба.* 1994. № 6. С. 123-147.
10. Якубович И.Д. *Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя)* // *Достоевский: Материалы и исследования.* Л., 1983. Т.5. С. 179-186;
11. Dirscherl, Denis. *Dostoevsky and the Catholic Church.* Chicago, 1986.

Dostoevsky's Italy

Burlakova I.I.,

Doctor of Pedagogy, Professor of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communication and Management" of Moscow State University of Psychology and Education

The theme "Dostoevsky and Italy" is extensive and diverse due to the fact that a number of researchers constantly turn to it, opening new pages in the life of the great writer. It includes the following areas of research: Dostoevsky's journey through Italy, the images of Italy in the pages of Dostoevsky's works, the reception of the writer's creativity in journalism, cinema and art, the problems of translating Dostoevsky's works into Italian. A special appeal to this topic shows that these four areas of research are connected in the works of Dostoevsky with such Italian cities as Rome, Florence and Naples. This determines the problematic of this article. The author assumes that there is a special integrity in all the disparate impressions and plots of Dostoevsky connected with Rome, Naples, and Florence. Dostoevsky's great novels are born in Rome against the backdrop of the great creations of Italian architecture. Naples is a city of dreams, a city where "noise, thunder, life" is intertwined with Dostoevsky's fatal love, with truly Italian passions that defined the love story of the writer and Apollinaria Suslova. Florence is a city of quiet family happiness and comfort, which the writer needed so much during his creative dawn.

Keywords: Italy, F.M. Dostoevsky, Italian cities, architecture, culture.

References

1. Brusovani M.I., Gal'perina R.G. Zagranichnye puteshestviya F.M. Dostoevskogo 1862 i 1863 gg. // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya. L., 1988. T.8. S. 272-292.
2. Dostoevskaya L.F. Moj otec Fedor Dostoevskij / L.F. Dostoevskaya (Vstupitel'naya, obshchaya redakciya, primechaniya B.N. Tihomirova, perevod s fr. N.D. SHahovskoj) – M.: OOO «BOSLEN», 2017. – 512 s., il. S. 157-159.
3. Letopis' zhizni i tvorчества F.M. Dostoevskogo: V 3.t. SPb., 1993. T.1. S. 374-375.
4. Novikova E.G. Rim i Neapol' Dostoevskogo. SPb.: «Serebryanyj vek», Dostoevskij i mirovaya kul'tura, 2009. - №26. – S. 35-43.
5. Novikova E.G. Inzhenernoe obrazovanie i miromodelirovanie F.M. Dostoevskogo // III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Prikladnaya filologiya i inzhenernoe obrazovanie». Rabochie materialy. Izd-vo TomPU, Tomsk. 2005. S.123-124.
6. Polnoe sobranie sochinenij F. M. Dostoevskogo v 30-ti tomah / AN SSSR, Instituta russkoj literatury (Pushkinskij dom); [redkol.: V.G. Bazanov (gl. red.), G.M. Fridlend, V.V. Vinogradov i dr.] – Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972 – 1990.
7. Saraskina L.I. Vozlyublennaya Dostoevskogo. Apollinariya Suslova: biografiya v dokumentah, pis'mah, materialah. M., 1994.
8. Suslova A.P. Gody blizosti s Dostoevskim: Dnevnik. Povesť. Pis'ma. M., 1928 (reprint. M., 1991).
9. Tarasov B.N. Dve Evropy Dostoevskogo // Literaturnaya ucheba. 1994. № 6. S. 123-147.
10. YAkubovich I.D. Dostoevskij v Glavnom inzhenernom uchilishche (Materialy k letopisi zhizni i tvorчества pisatelya) // Dostoevskij: Materialy i issledovaniya. L., 1983. T.5. S. 179-186;
11. Dirscherl, Denis. Dostoevsky and the Catholic Church. Chicago, 1986.

Поэтика Флоренции в творчестве Достоевского¹

Махмудова С.М.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета rutulsveta@mail.ru

В настоящей статье рассматривается образ Флоренции в произведениях Ф.М. Достоевского, а также прослеживается его жизнь в этом тосканском городе, где он бывал несколько раз, прожив в том числе несколько счастливых месяцев со своей женой – А.Сниткиной.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Флоренция, А. Сниткина, любимые места Достоевского во Флоренции, поездка по местам, где бывали Достоевские.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Поэтика Флоренции в творчестве Достоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Makhmudova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060203 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M. Poetics of Florence in the works of Dostoevsky [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Makhmudova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060203 (Accessed dd.mm.yyyy)

«В гиадах объявлено, что Флоренция, по положению своему, зимой - один из самых холодных городов Италии (то есть настоящей Италии, разумеется буквально полуостров); летом же один из

самых горячих пунктов всего полуострова и даже всего Средиземного моря, (1) и только разве некоторые пункты Сицилии и Алжира могут равняться с нею постоянством, упорством и размером жара», - пишет Ф.М. Достоевский в письме к С.А. Ивановой от 29 августа (10 сентября) 1869 года [Достоевский 1].

Флоренция – это старинный город в центре Тосканы, региона Италии, подарившего миру такие имена, как Данте Алигьери, Микеланджело Буонаротти, Леонардо да Винчи, Пьетро Аретино, Франческо Петрарка, Джованни Бокаччо, Сандро Боттичелли, Амедео Модильяни и многие многие другие, внесшие неопределимый вклад в мировую культуру и историю. Флоренция – это святая для художников и писателей земля, притягивающая особой аурой высокого творчества,

¹ Все фотографии, использованные в данной работе, так же, как и настоящая статья, были выполнены нами во время поездки во Флоренцию в мае 2019 года для поиска следов пребывания М.Ф. Достоевского в рамках гранта «Достоевский и Италия» при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 18-012-90034.).

художественного мышления. Флоренция во все времена привязывала к себе поэтов и художников, скульпторов и политических деятелей, снова и снова возвращающихся сюда. Это необъяснимое высокое притяжение наслаждением творчества оказало влияние и на многих русских политиков, поэтов и писателей.

Федор Достоевский посещал Флоренцию в 1862, в 1863 и в 1868-69 годах. В 1862 году Федор Михайлович был во Флоренции как турист.

В августе-сентябре 1863 года Ф.М. Достоевский посещал Флоренцию со своей возлюбленной А.П. Суловой. В третий раз Ф.М. Достоевский вернулся во Флоренцию уже почти на год, с сентября 1868 по август 1869 года. Во время последнего пребывания здесь он написал свой знаменитый роман «Идиот».

В своих Дневниках в сентябре 1876 года Ф.М. Достоевский пишет о Флоренции: «Лет семь тому назад мне случилось провести всё лето, вплоть до сентября, во Флоренции. По мнению итальянцев, Флоренция - летом самый жаркий, а зимою самый холодный город во всей Италии. Лето в Неаполе они считают несравненно более сносным, чем во Флоренции» [Достоевский 1]. Ф. Достоевский жил тогда во Флоренции, тогдашней столице Италии, на берегу красивой реки Арно, несущей свои воды через всю Тоскану¹. Русский писатель воспринимал Италию как место, где он в полном уединении мог предаваться творчеству, тогда как в России он был связан многочисленными родственными и дружескими узами, которые не давали уйти от дел и обязательств и отдаться фантазии: “Просижу в работе еще месяца четыре, а там мечтаю переехать в Италию. Уединение мне необходимо“, - пишет Федор Михайлович в письме к С.А. Ивановой 1 (13) января 1868 г.

«В конце ноября 1868 года мы перебрались в тогдашнюю столицу Италии и поселились вблизи Palazzo Pitti. Перемена места опять повлияла благоприятно на моего мужа, и мы стали вместе осматривать церкви, музеи и дворцы. Во Флоренции, к нашей большой радости, нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами, и мой муж ежедневно заходил туда почитать после обеда. Из книг же взял себе на дом и читал всю зиму сочинения Вольтера и Дидро" на французском языке, которым он свободно владел», - пишет супруга Федора Михайловича Анна Сниткина-Достоевская [Сниткина 2]. Тоска по России, по русскому языку, русской природе одолевала Федора Михайловича, он не мог не дышать Россией, не слышать новостей с родины. В письме С.А. Ивановой от 29 марта 1868 года из Женевы Ф.М. Достоевский пишет: «верите ли, ангел мой, что значит долго быть за границей и отвыкнуть от России: мыслей тех нет, восторга нет, энергии нет, как в России. Как ни странно, а это так».

И после долгих поисков находит крошечную по современным меркам библиотеку, где в единственном месте в городе продавались русские газеты на русском языке, что стало для писателя ниточкой, связывающей его с Россией.

И только это могло удержать его во Флоренции.

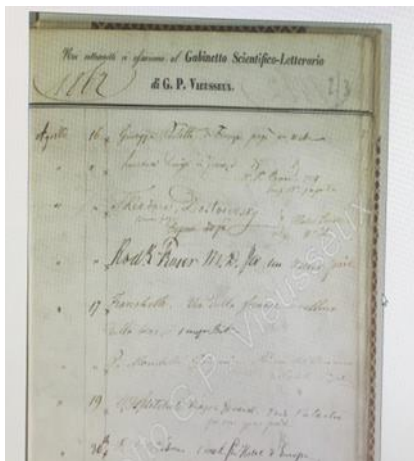
Работники этой действующей до сих пор библиотеки, известной как кабинет Вьессе, помогли нам отыскать запись в книге библиотеки Theodore Dostoievsky.

Теперь в кабинете уже на стеллажах можно найти и книги самого М. Достоевского. Работники библиотеки знали, что здесь бывал сам великий русский писатель. Они без труда и очень любезно отыскивали запись и показали нам. Для нас же с профессором И.В. Дергачевой это было как прикосновение к жизни нашего знаменитого даже здесь, на родине Петрарки и Микеланджело, земляка.

В поисках следов пребывания великого автора романа «Идиот» во Флоренции мы побывали в историческом архиве Флоренции, где, узнав, что мы приехали в поисках документальных свидетельств о Ф.М. Достоевском, тут же приняли нас и попросили прийти через два дня, когда они смогут выбрать что-нибудь о нем. Через два дня нам был предъявлен документ – старая книга с неизвестной до сих пор записью от 1871 года о том, что уведомление Ф. Достоевскому вручено.

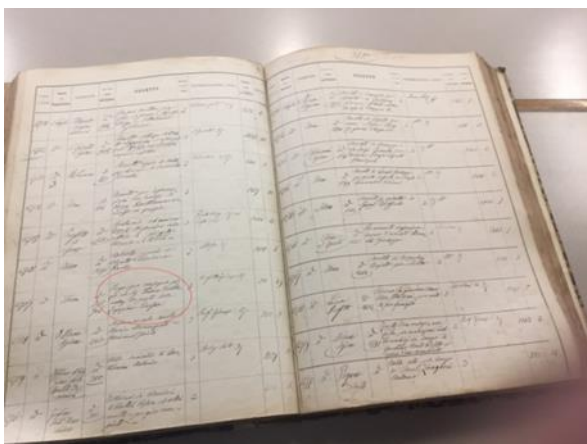
Флорентийская гостиница, в которой жил Федор Михайлович, ныне переименована. Однако внутреннее убранство вряд ли изменилось за прошедшие столетия – старый обшарпанный пол, старые стулья и кресла, старые деревянные резные двери, что создает впечатление, что стоит открыть дверь, и вас встретит сам Федор Михайлович в халате и тапочках.

И гостиница, и сады Боболи, и кабинет Вьессе, дом, в котором он проживал вместе с супругой Анной Сниткиной, - все находится в историческом центре Флоренции в шаговой доступности друг от друга.

Ф.М. Достоевский до мозга костей русский, христианин и патриот России. Все, что видит за границей, он сравнивает с Москвой, Петербургом, Россией, неизменно находя преимущества русской жизни: “Здесь во Флоренции климат, может быть, еще хуже для меня, чем в Милане и в Вевее; падучая чаще. Два припадка сряду, в расстоянии 6 дней один от другого, и сделали то, что я опоздал эти 10 дней. Кроме того, во Флоренции слишком уж много бывает дождя; но зато когда солнце, - это почти что рай” [Письмо С.А. Ивановой от 25 января (6 февраля) 1869 г.].

Кроме известной фразы о том, что «Флоренция хороша, но уж очень мокра», что подтвердило и наше путешествие по местам Ф.М. Достоевского, настоящей поэтической зарисовкой является описание Флоренции писателем, данное им в письме к той же С.А. Ивановой: «Окна наши выходили на рынок под портиками, с прекрасными гранитными колоннами и аркадами, и с городским фонтаном в виде исполинского бронзового кабана, из пасти которого бьет вода... но представьте себе, что вся эта громадная масса камня и аркад, занимавшая почти весь рынок, накаливалась каждый день, как печка в бане (буквально), и в этом-то воздухе мы и жили. Настоящей жары, то есть пекла, мы захватили 6 недель (прежде еще можно было и вынести), доходило до 34-х и до 35 градусов реомюра (!) в тени, и это почти постоянно. К ночи сбывало до 28, к утру, к 4-м часам пополуночи, бывало и 26, а затем опять начинало подыматься. И представьте, в этакой жаре, без капли дождя, воздух, при всей своей сухости и накаленности, был чрезвычайно легкий; зелень в садах (которых во Флоренции до безобразия мало - всё один камень), - зелень не увядала, не желтела, а напротив, казалось, еще пуще тучнела и зеленела; цветы и лимоны, казалось, только и ждали этого солнца. Но что для меня, арестованного во Флоренции обстоятельствами, было всего страннее, так это то, что шатающиеся иностранцы (а из них много народу очень богатого) наполовину остались во Флоренции и даже вновь приезжали; тогда как почти все, со всей Европы, хлынули с наступлением жаров на воды в Германию. Я не понимал, ходя по городу и встречая нарядных англичанок и даже француенок: как можно жить добровольно в таком аде, имея деньги на выезд... Кроме того, город всю ночь не спит и ужасно много поет песен. Окна у нас ночью, конечно, отворенные, а к утру, к 5 часам, кричит и стучит базар, кричат ослы — так что нет возможности заснуть...», - пишет Ф.М. Достоевский С.А. Ивановой 29 августа (10 сентября) 1869 года.

Приведенное письмо представляет интерес точки зрения построения: во-первых, мастер слова оттачивал перо даже в своей личной переписке, - настолько точен выбор средств для передачи художественной картины города, образ которого Достоевский передает С.А. Ивановой. Первая фраза как бы объединяют взгляд читателя со взглядом писателя и передают геометрический рисунок – взгляд читателя сосредоточивается на внешнем образе города, - «Окна наши выходили на рынок под портиками, с прекрасными гранитными

колоннами и аркадами, и с городским фонтаном в виде исполинского бронзового кабана, из пасти которого бьет вода...

Вторая картина, предлагаемая Федором Михайловичем, - это жара, так мастерски переданная средствами языка, что ее реально ощущаешь, при этом автор письма воздействует на психику читателя, заставляя ее почти физически представить себя в этом раскаленном воздухе: "... но представьте себе, что вся эта громадная масса камня и аркад, занимавшая почти весь рынок, накаливалась каждый день, как печка в бане (буквально)», а после автор резко вытаскивает представившего себя в этой жаре из образа и заставляет посочувствовать себе: и в этом-то воздухе мы и жили.

Затем автор раскрывает детали картины жары, разворачивая их постепенно: «Настоящей жары, то есть пекла, мы захватили 6 недель (прежде еще можно было и вынести), доходило до 34-х и до 35 градусов реомюра (!!)) в тени, и это почти постоянно. К ночи сбывало до 28, к утру, к 4-м часам пополуночи, бывало и 26, а затем опять начинало подыматься».

Следующая картина – восторг писателя природой Флоренции - при всей жаре Флоренция великолепна: «И представьте, в этакой жаре, без капли дождя, воздух, при всей своей сухости и накаленности, был чрезвычайно легкий; зелень в садах (которых во Флоренции до безобразия мало - всё один камень), - зелень не увядала, не желтела, а напротив, казалось, еще пуще тучнела и зеленела; цветы и лимоны, казалось, только и ждали этого солнца».

Немного пощадив читателя и вытаскив его воображение из ужасного образа жары (в этакой жаре, без капли дождя, воздух, при всей своей сухости и накаленности...), писатель, однако, не дает сосредоточиться на позитиве: воздух, ... был чрезвычайно легкий; зелень в садах ... не увядала, не желтела, а напротив, казалось, еще пуще тучнела и зеленела; цветы и лимоны, казалось, только и ждали этого солнца».

В этой фразе писатель дважды употребляет слово «казалось», что, учитывая любовь автора к передаче деталей и скрупулезность, никак не может быть случайным штрихом – это, на наш взгляд, средство воздействия на психику читателя, внушающее ему, что вся радость от города кажущаяся, непостоянная, не привязывающая автора к природе Флоренции, не составляющая ценности для писателя, оторванного от природы России.

Далее автор уже прямо заставляет пожалеть себя, войти в образ человека, лишённого родины, вынужденного скитаться: «Но что для меня, арестованного во Флоренции обстоятельствами, было всего страннее, так это то, что шатающиеся иностранцы (а из них много народу очень богатого) наполовину остались во Флоренции и даже вновь приезжали; тогда как почти все, со всей Европы, хлынули с наступлением жаров на воды в Германию».

Не удовлетвовавшись жалостью, которая должна была бы уже сформироваться в мозгу читателя, писатель выбирает далее более темные тона для передачи условий и необходимости своего пребывания: - «Я не понимал, ходя по городу и встречая нарядных англичанок и даже француженок: как можно жить добровольно в таком аде, имея деньги на выезд...».

Апогеем жалобы писателя и вершиной внушаемого образа служит последняя часть фразы: жить добровольно в таком аде, и самой яркой картиной, возвышающейся над созданным образом ада, является причина жизни в этом аде: : как можно ... имея деньги на выезд...»!

Эту причину, выставленную в апогее, писатель немного забрасывает деталями картины города, шифрующими самое главное – внушение мысли о том, что денег нет: «Кроме того, город всю ночь не спит и ужасно много поет песен. Окна у нас ночью, конечно, отворенные, а к утру, к 5 часам, кричит и стучит базар, кричат ослы — так что нет возможности заснуть...».

Таким образом, писатель обнаруживает мастерство психологического внушения не только в своих произведениях, но даже в письмах. Образ Флоренции под пером Ф.М. Достоевского величествен, но передан сквозь призму восприятия им самим и обстоятельств его пребывания в нем.

Литература

1. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm>
2. <http://dostoevskiy-lit.ru/>
3. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/dostoevskaya-vozpominaniya/chast-chetvertaya-prebyvanie-za-granicej.htm>
4. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-1-13-yanvarya-1868.htm>
5. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-marta-1868.htm>
6. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm>
7. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Собрание сочинений. Т.8. М., Русские словари. Языки славянской культуры. 2002.

Poetics of Florence in the works of Dostoevsky

Makhmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communication and Management" of Moscow State University of Psychology and Education

This article discusses the image of Florence in the works of F.M. Dostoevsky, as well as his life can be traced in this Tuscan city, where he visited several times, including several happy months with his wife, A. Snitkina..

Keywords: F.M. Dostoevsky, Florence, A. Snitkina, favorite places of Dostoevsky in Florence, a trip to places where Dostoevsky visited.

References

1. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm>
2. <http://dostoevskiy-lit.ru/>
3. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/memory/dostoevskaya-vozpominaniya/chast-chetvertaya-prebyvanie-za-granicej.htm>
4. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-1-13-yanvarya-1868.htm>
5. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-marta-1868.htm>
6. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/pisma-dostoevskogo/dostoevskij-ivanovoj-29-avgusta-1869.htm>
7. Bahtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo. Sobranie sochinenij. T.8. M., Russkie slovari. YAzyki slavyanskoj kul'tury. 2002.

Отражение мультикультурализма в современной турецкой литературе на примере малой прозы Саит Фаик Абасьяныка

Шахин А.,

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры восточной филологии КФУ им. Вернадского, Симферополь, Крым,
alaaddinsahin@yahoo.com*

Статья посвящена исследованию понятия мультикультурализм и его влиянию на современную турецкую литературу на примере малой прозы С.Ф. Абасьяныка. В данной статье проанализированы художественные произведения С.Ф. Абасьяныка малых жанров: «Semaver» («Самовар»), Kalinikhta («Калинихта»), «Alemdağ'da var bir ılan» («Змея на горе Алемдаг»), «Dülger balığın ölümü» («Смерть рыбы-пилы»), «Şehri unutan adam» («Человек, забывший свой город»), «Sarınc» («Цистерна»), «Lüzumsuz Adam» («Ненужный человек»), «Sivri ada geceleri» («Ночи на острове Сивриада»), «Havada bulut» («Тучи на небе»), «Kalorifer ve bahar» («Обогреватель и весна»). С целью введения данных текстов в российское литературоведческое поле осуществлен их перевод на русский язык.

Ключевые слова: мультикультурализм, гуманизм, малая проза, С.Ф. Абасьянык.

Для цитаты:

Шахин А. Отражение мультикультурализма в современной турецкой литературе на примере малой прозы Саит Фаик Абасьяныка [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Shakhin.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060204 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shakhin A. Reflection of multiculturalism in modern Turkish literature on the example of the small prose of Sait Faik Abasiyanik [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Shakhin.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060204 (Accessed dd.mm.yyyy)

Термин мультикультурализм впервые появился в конце 1960 г. в США. Мультикультурализм – комплекс разнообразных процессов развития, в ходе которых раскрываются многие культуры в противовес единой национальной культуре. По-другому и более точно мультикультурализм можно определить как «многокультурность», «культурное разнообразие» или «культурное многообразие». Их цель – искоренение дискриминации и достижения «равенства» различного рода меньшинств с национальным большинством. В самом широком смысле, а также на идеологическом уровне, мультикультурализм является признаком разнообразия и равноценности культур. Мультикультурализм один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. По определению Мишеля Фуко, «Там, где все похоже друг на друга, никого нет».

Влияние мультикультурализма мы можем увидеть и в турецкой литературе. В данной работе автор предпринимает попытки проанализировать особенности малой прозы Абасьяныка с точки зрения мультикультурализма. С.Ф. Абасьянык традиционно признается ведущим мастером рассказа в турецкой литературе, а его творчество – поворотной точкой в развитии турецкой литературы. Специфической особенностью рассказов Абасьяныка является то, что автор уделял

внимание не проблемам общества, а проблемам индивида в этом обществе. Он описывал природу и людей в простой искренней стихотворной форме, с «ювелирной тонкостью» «вплетая» в свои рассказы богатую историю и культуру живущих здесь греков, евреев, армян. Абасьянык дал новую жизнь турецкой прозе своим резким, но гуманистическим изображением чернорабочих, детей, безработных, бедняков. Реалистические рассказы С.Ф. Абасьяныка, основанные на субъективных наблюдениях и отражающие парадоксальные контексты сюжетных событий, оказали заметное влияние на современную турецкую прозу. Главные герои рассказов Абасьяныка – это евреи, арабы, армяне, греки, турки, проживающие в Стамбуле и близлежащих островах. Абасьянык мастерски отразил в своих рассказах многокультурность Стамбула и близлежащих островов. Во всей турецкой литературе, наверно, не найдётся другого автора, который так точно изобразил в своих рассказах жизнь и быт национальных меньшинств в Турции.

В своей первой книге «Semaver» («Самовар»), которая была опубликована в 1936 г. автор ставит такие понятия, как «человек», «любовь» и «жизнь» превыше всего, им придаётся некий священный статус: «Bu yeşil, sarı, lacivert bayrak sizin bayrağınız. Komşu Kabilenin bayrağı aynı renkte, aynı şekilde fakat üzerinde dokuz yıldız var. Onun için mi boğazlaşıyorsunuz kavgadan evvel evlerinde yemek yediğin, başı sana dokunduğu zaman yaşadığını hissettiğin çocuğu bu dokuz yıldız için mi öldürecekisin? Anlaşıldı. Ben bayrakları değil insanları seviyorum.» («Этот жёлто-сине-зелёный флаг – ваш флаг. Флаг соседей такого же цвета, но на нём девять звёзд. Вы поэтому воюете? Ты готов убить этих людей, с которыми до ссоры ел из одной тарелки, только из-за этих девяти звёзд? Я люблю людей, а не флаги.») [9,с.129]. В последней, опубликованной при жизни автора, книге «Alemdağ'da var bir yılan» («Змея на горе Алемдаг»), Абасьянык со словами «Всё начинается с любви к человечеству» подчёркивает, что источником и отправной точкой его творчества является любовь к человечеству. Гуманистическая направленность рассказов Абасьяныка прослеживается на протяжении всего его творческого пути. Со временем в его произведениях меняется формат и язык, любовь сменяется пессимизмом и одиночеством. В своём последнем рассказе Kalinikhta'da («Калинихта»), опубликованном перед его смертью, автор пишет: «Rum evinden midye tavası, bıyıklarımın içinden anason kokusu geliyor. "Canımsın" diyorum kime... Seni damarımda bileğimde atıyorum... Benden de bir Kalinikhta sana, Panco». («Мидии из греческого дома, от моих усов пахнет анисом. «Ты моя душа.» - кому я говорю. Ты как кровь, которая течёт по моим венам. Калинихта, тебе от меня, Панчо.) Несмотря на то, что Абасьянык время от времени впадал в пессимизм, он никогда не терял веру в человечество. Это борьба автора с самим собой ярко отражена в его произведении «Alemdağ'da var bir yılan» («Змея на горе Алемдаг»), которое по праву считается переломным моментом в его творчестве. Надо также отметить, что даже свой последний вздох автор посвятил любви к человечеству. Но рассматривать Абасьяныка только с точки зрения любви к человечеству было бы несправедливо. В рассказе «Dülger balığın ölümü» («Смерть рыбы-пилы») можно проследить, как автор сравнивает смерть рыбы и свою собственную смерть; глубоко огорчённый неизбежной смертью рыбы, автор на протяжении нескольких страниц повествует об этом своему читателю: «Birdenbire dehşetli bir şey gördüm: Balık tuhaf bir şekilde, ağır ağır ağarmaya, rengini atmaya, hem de beyaz kesilmeye giden bir hâl almaya başlamıştı. Acaba bana mı öyle geliyor? Sahiden rengini mi atıyor? Demeye; dikkatli bakmaya lüzum kalmadan, yanılmadığımı anladım. Kenarları süsleyen zarların oyunu çabuklaşmaya, balık da gitgide, saniyeden saniyeye pek belli bir hâlde beyazlaşmaya başladı. İçimde dülger balığının yüreğini dolduran korkuyu duydum». («Вдруг я увидел что-то ужасное: рыба каким-то странным образом начала бледнеть и менять свой цвет. Может, мне так показалось? Или она действительно побледнела? Мне не понадобилось присматриваться, я и так понял, что я не ошибся. Внезапно я представил себе то, что сейчас чувствует эта рыба.») [10,с.71; «Dülger balığın ölümü» («Смерть рыбы-пилы»)]. В рассказе «Sivri ada geceleri» («Ночи на острове Сивриада») автор оплакивает смерть чайки. Смерть чайки и равнодушные рыбаков, которые как ни в чем не бывало продолжают заниматься своим делом, подталкивают автора к сравнению современного человека с «дикарями»: «Dünyanın yaratılışındaydım şimdi. İnsanın ilk zamanlarını yaşıyorduk.» («Сейчас я

очутился в первобытной эпохе, когда человечество только зарождалось») [14, с.123; «Sivri ada geceleri» («Ночи на острове Сивриада»)].

Для Саит Фаика любовь была всем: он испытывал одинаковую любовь ко всему живому, поэтому в его произведениях греки, евреи, армяне, турки, моряки, рыбы, птицы, дети, море растворяются в этой любви. Читая произведения Абасьяныка, мы видим, как люди разных национальностей и вероисповеданий вместе радуются и переживают, на одной лодке выходят в море ловить рыбу, подшучивают друг над другом на их родном языке. Многонациональные герои рассказов Абасьяныка дружно живут вместе.

Саит Фаик большую часть своей жизни прожил в Стамбуле и Бургазада. Когда автор уставал от городской суеты, то он уединялся на острове Бургазада. Почти в каждой своей книге Саит Фаик отображал культурное многообразие Стамбула и близлежащих островов, жители которых мирно сосуществовали вместе. В рассказе «Stelyanos Hristopolos gemisi» («Лодка Стеляноса Христополоса»), вошедшем в первый сборник автора «Semaver» («Самовар»), автор повествует о маленьком мальчике сироте Трифоне, который жил со своим дедом Стеляносом. В рассказе автор очень ярко передает свою любовь к природе и человеку. Но рассказ из-за своего греческого названия не прошел цензуру и не был опубликован, в результате чего автор пишет письмо Яшару Наби: «То, что они греки, не означает, что они не граждане Турции; то, что у них греческие имена, не означает, что они не люди». После этих событий издание этого рассказа в журнале «Varlık» («Варлык») становится «делом чести» для Саит Фаика. Этот рассказ стал для него очень символическим, так как с него начинается борьба автора за толерантное отношение к людям разных национальностей, вероисповеданий и культур.

В рассказе «Şehri unutan adam» («Человек, забывший свой город»), который вошел в сборник «Semaver» («Самовар»), автор с огромным желанием любить «выходит на улицы». Автор с большой любовью описывает мальчика: «Kirli, soluk yanaklarına, çıplak ayaklarına merhametle değil, sevgi ile baktım.» («Я с любовью, а не с жалостью посмотрел на грязного, бледного, босоногого мальчика») [9, с.54]. Автор, который в поисках человеческой любви вышел на улицы, на протяжении всего рассказа сталкивается с разными трудностями: «Çırlıçiplak Rum çocukları nerde ise etrafımızı alacak, nerde ise Fransızca konuşan tatlı su Frenkleri birbirlerine yine vaziyetimi Fransızca izaha kalkacaktı.» («Полуголые и босые греческие дети окружили нас, местные выходцы из Европы на своем языке рассказывали друг другу о моем положении») [9, с.57].

Отличительной чертой рассказов Абасьяныка является высокая степень автобиографичности произведений. Можно предположить, что и в этом рассказе рассказчик скорее всего сам Саит Фаик. Автор, который несмотря ни на что не перестает верить и любить людей, так заканчивает свой рассказ: «Dünyaı ve Şehri riyasız kucaklamak istiyordum» («Я хотел обнять город и весь мир без лицемерия и фальши») [9, с.57].

В рассказе «Kalorifer ve bahar» («Обогреватель и весна»), который вошел в сборник «Sarnıç» («Цистерна»), автор показывает нам культурное и национальное разнообразие трущоб Стамбула. Дети, живущие в этих трущобах, – главные герои этого рассказа. И в этом рассказе мы можем увидеть любовь Саит Фаика к детям и ко всем людям. Мультикультурализм этих трущоб автор передает нам так: «Ahmet, Mehmet, Apostol, Yorgi, Avram, Şalom diye çağırmadıkları için kimin Müslüman kimin Hristiyan kimin Yahudi olduğu da pek belli olmazdı.» («Так как к ним не обращались по именам (Ахмет, Мехмет, Апостол, Йоргий, Авраам, Шалом), то не было особой разницы, мусульмане, христиане или евреи они.» [11, с.14]. Автор так описывает многообразие взаимоотношений между этими людьми: «Her üç lisanın kolay bi taraf, zaruri, parçalarını ve argosunu öğrenmiş olanlar da oldukça çoktur. Bazen bir Sarı Apostol, bir sulu Avram'a Yahudice sataşır; bazen bir Barbunya Ahmet, Zargana Agop'a Ermenice dert yanardı» («Многие местные жители не только хорошо разговаривали на трех языках, но и понимали разные диалекты и жаргон своих соседей. Часто можно видеть, как Апостол подшучивал над Авраамом по-еврейски; иногда Ахмет по кличке Барабудька сплетничал с Агопом по кличке Саргана на армянском языке.» [11, с.14]. Именно в этом

произведении, по нашему мнению, автор наиболее ярко и точно показал нам, насколько «маленькие» люди разных культур и национальностей похожи друг на друга, насколько похожи их радости, горести и страхи: «Kendi aralarında din farkı gözetmeksizin kız alıp veren bu insanların ortak düşmanı, daha doğrusu sevgilisi, bir tepeye çıkıldığı zaman görülen şehrin merkezidir.» (Несмотря на разные вероисповедания эти люди вступали в межнациональные браки и поддерживали друг друга в трудную минуту» [11, с.15].

Анализируя четвертую книгу автора «Lüzumsuz Adam» («Ненужный человек»), мы также находим яркие примеры мультикультурализма: «Mahallem gerçi sakin ve sakin bir mahalledir. Oturanların yarısı Levanten'le Yahudi olan bir mahallede civciv olmaz olur mu? Hele Yahudiler ne iyi, ne tath, ne civcivli, ne hayatı seven insanlardır.» («Вообще мой район достаточно спокойный, но очень жизнерадостный. Половина проживающих здесь людей евреи. Евреи такие хорошие, такие веселые, такие жизнерадостные люди». [12, с.12]. В рассказе хозяин кафе Френк, местная мадам, продавец апельсинов Соломон, хозяин супного ресторана Байрам- бей мирно соседствуют в одном районе.

Также надо отметить, что яркие примеры мультикультурализма переплетаются друг с другом во всех одиннадцати рассказах, вошедших в шестую книгу Саит Фаика «Navada bulut» («Тучи на небе»). Главные герои здесь преимущественно греки: «Birbirine karışmış her din ve mezhep Türk, Rus, Ermeni, Rum, Nasturi, Arap, Çingene, Fransız, Katolik, Levanten, Hırvat... Her türlü milletin birbirine karıştığı bu garip mahalleden sel yatağına her akşam küçük figüran kızlar iner.» («Турки, русские, армяне, греки, арабы...Каждый вечер из этих многонациональных трупп компания молодых девушек спускается к балке.» [13, с.55].

Итак, анализ рассказов - «Semaver» («Самовар»), Kalinikhta'da («Калинихта»), «Alemdağ'da var bir yılan» («Змея на горе Алемдаг»), «Dülger balığın ölümü» («Смерть рыбы-пилы»), «Şehri unutan adam» («Человек, забывший свой город»), «Sarınc» («Цистерна»), «Lüzumsuz Adam» («Ненужный человек»), «Stelyanos Hristopolos gemisi» («Лодка Стеляноса Христополоса»), «Navada bulut» («Тучи на небе»), «Kalorifer ve bahar» («Обогреватель и весна») - в предложенном контексте позволил выявить яркие примеры мультикультурализма в малой прозе С.Ф. Абасьяныка. Он считал, что мультикультурализм неизбежен, в мире не осталось гомогенных обществ. Автор в своих произведениях возвел мост между разными культурами и национальными меньшинствами. «Наши различия – это наши богатства» (С.Ф.Абасьянык). Несомненно, малая проза Абасьяныка будет очень полезна в воспитании подрастающего поколения, так как в этих рассказах очень много ярких примеров толерантности, гуманизма, многокультурности..

Литература

1. Алькаева Л. О. Из истории турецкого романа. 20-50-е годы XX века : [научное издание] / Л. О. Алькаева ; АН СССР. Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1975. – 278 с. – Список лит.: с. 270-272 (51 назв.). – Указ. имен авт. и назв. произведений: с. 273-277.
2. Алькаева Л. О. Очерки по истории турецкой литературы 1908-1939 гг. / Л. О. Алькаева ; Акад. наук СССР. Ин-т востоковедения. – М. : АН СССР, 1959. – 220с.
3. Алькаева Л. О. Сюжеты и герои в турецком романе (конец XIX – начало XX века) / Л. О. Алькаева ; Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии. – М. : Наука, 1966. – 186 с.
4. Байбатырова Н.М. Турецкая литература и публицистика в эпоху Танзимата (реформ) / Н.М. Байбатырова // Гуманитарные исследования. – Астрахань: Астраханский университет. – 2009. – №3 (31). – С. 107-112.
5. Утургаури С. Н. Роман в современной литературе Турции / С. Н. Утургаури // Современные литературы стран Азии и Африки : типол. признаки нац. и межнац. лит. систем : [сб. ст.]. – М. : Наука, 1988. – С. 47-58.
6. Утургаури С. Н. Современная турецкая проза : основные тенденции развития : дис. ... д. фил. наук : 10.01.03 / С. Н. Утургаури. – Москва, 1985.

Шахин А.
Отражение мультикультурализма в современной
турецкой литературе на примере малой прозы Саят Фаик
Абасьяныка
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 23–29.

Shakhin A.
Reflection of multiculturalism in modern Turkish
literature on the example of the small prose of Sait Faik
Abasiyanik
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 23–29.

7. Утургаури С. Н. Турецкая проза 60-70-х годов : основные тенденции развития / С. Н. Утургаури. – М. : Наука, 1982. – 216 с.
8. Утургаури С.Н., Репенкова М.М. Новая тенденция в турецкой литературе рубежа XX-XXI веков / С.Н. Утургаури, М.М. Репенкова // Турция на рубеже XX-XXI веков: сб. статей. – Москва: Издательство ИВ РАН, 2008. – С. 217-242.
9. Abasiyanik Sait Faik /Semaver/ Abasiyanik S. F. //Stelanos Hristopolos gemisi. Yapı Kredi Yayınları. 30.baskı : İstanbul, Eylül 2010 – 105s.
10. Abasiyanik Sait Faik /Alemdagda var bir yılan/ Abasiyanik S.F.//Dülger balığın ölümü.- Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Nisan 2009.-95 s.
11. Abasiyanik Sait Faik /Sarıncı/ Abasiyanik S. F. / –Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Ocak 2010. –95 s.
12. Abasiyanik Sait Faik /Lüzumsuz Adam/Abasiyanik S.F.//Bacakları Olsaydı. –Yapı Kredi Yayınları:İstanbul, Ocak 2010. –87s.
13. Abasiyanik Sait Faik/Havada bulut /. –Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Şubat 2010.- 106s.
14. Abasiyanik Sait Faik/Son kuşlar /Sivriada geceleri. –Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Şubat 2010.- 106s.
15. Alangı Tahir. Sait Faik İçin / Tahir Alangı. – Yeditepe: Yayınları, 1956.
16. Öztürk, Tuncay, (2011) Sait Faik Hikâyeciliğinde Merkez ve Taşra Arasında Bir Kaçış Mekanı Olarak Ada.
17. Parehk, Bhikhu, (2002) Çok kültürlülüğü Yeniden Düşünmek, Ankara Phoenix yayınevi.
18. Alptekin Mahmut. Sait Faik / Mahmut Alptekin. – Toker Yayınları, 1974.
19. Aslan Celal. Sait Faik'in Öykülerinde Kurgu ve Anlatım Teknikleri. – Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2007.
20. Kabaz İbrahim. Sait Faik Abasiyanik. / İbrahim Kabaz. – Şule Yayınları, 1999.
21. Kutlu Mustafa. Sait Faik'in Hikaye Dünyası / Mustafa Kutlu. – Hareket Yayınları, 1961.
22. Kurt Mustafa. Modernizm ve Gerçeküstüçülük Bağlamında Sait Faik'in Son Hikayeleri, Turkish Studies. – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. – Volume 6/3. – Summer 2011. – P. 1463-1475.
23. Sönmez Sevengül. Sait Faik Dosyası / Sevengül Sönmez. // Kitaplık, Yapı Kredi Yayınları. – 2003. – Ocak.

Reflection of multiculturalism in modern Turkish literature on the example of the small prose of Sait Faik Abasiyanyk

Shakhin A.,

Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Oriental Philology, KFU Vernadsky, Simferopol, Crimea, alaaddinsahin@yahoo.com

The article is devoted to the study of the concept of multiculturalism and its influence on modern Turkish literature on the example of the short prose of S.F. Abasyanyka. This article analyzes the art works of S.F. Abasyanyka small genres: "Semaver" ("Samovar"), Kalinikhta ("Kalinicht"), "Alemdağ'da var bir yılan" ("Snake on Mount Alemdag"), "Dülger balığın ölümü" ("Death of the fish-saw"), "Şehri unutan adam" ("A man who forgot his city"), "Sarnıç" ("Tank"), "Lüzumsuz Adam" ("Waste person"), "Sivri ada geceleri" ("Nights on Sivriada Island"), "Havada bulut" ("Clouds in the sky"), "Kalorifer ve bahar" ("Heater and spring"). In order to introduce these texts into the Russian literary field, they have been translated into Russian.

Keywords: multiculturalism, humanism, small prose, S.F. Abasyanyk.

References

1. Al'kaeva L. O. Iz istorii tureckogo romana. 20-50-e gody XX veka : [nauchnoe izdanie] / L. O. Al'kaeva ; AN SSSR. In-t vostokovedeniya. – M. : Nauka, 1975. – 278 s. – Spisok lit.: s. 270-272 (51 nazv.). – Ukaz. imen avt. i nazv. proizvedenij: s. 273-277.
2. Al'kaeva L. O. Ocherki po istorii tureckoj literatury 1908-1939 gg. / L. O. Al'kaeva ; Akad. nauk SSSR. In-t vostokovedeniya. – M. : AN SSSR, 1959. – 220s.
3. Al'kaeva L. O. Syuzhety i geroi v tureckom romane (konec XIX – nachalo XX veka) / L. O. Al'kaeva ; Akad. nauk SSSR. In-t narodov Azii. – M. : Nauka, 1966. – 186 s.
4. Bajbatyrova N.M. Tureckaya literatura i publicistika v epohu Tanzimata (reform) / N.M. Bajbatyrova // Gumanitarnye issledovaniya. – Astrahan': Astrahanskij universitet. – 2009. – №3 (31). – S. 107-112.
5. Uturgauri S. N. Roman v sovremennoj literature Turcii / S. N. Utur-gauri // Sovremennye literatury stran Azii i Afriki : tipol. priznaki nac. i mezhnac. lit. sistem : [sb. st.]. – M. : Nauka, 1988. – S. 47-58.
6. Uturgauri S. N. Sovremennaya tureckaya proza : osnovnye tendencii razvitiya : dis. ... d. fil. nauk : 10.01.03 / S. N. Uturgauri. – Moskva, 1985.
7. Uturgauri S. N. Tureckaya proza 60-70-h godov : osnovnye tendencii razvitiya / S. N. Uturgauri. – M. : Nauka, 1982. – 216 s.
8. Uturgauri S.N., Repenkova M.M. Novaya tendenciya v tureckoj literature rubezha XX-XXI vekov / S.N. Uturgauri, M.M. Repenkova // Turciya na rubezhe XX-XXI vekov: sb. statej. – Moskva: Izdatel'stvo IV RAN, 2008. – S. 217-242.
9. Abasiyanik Sait Faik /Semaver/ Abasiyanik S. F. //Stelanos Hristopolos gemisi. Yapı Kredi Yayınları. 30.baskı : İstanbul, Eylül 2010 – 105s.

Шахин А.

Отражение мультикультурализма в современной турецкой литературе на примере малой прозы Саят Фаик Абасьяныка

Язык и текст

2019. Том 6. № 2. С. 23–29.

Shakhin A.

Reflection of multiculturalism in modern Turkish literature on the example of the small prose of Sait Faik Abasiyanik

Language and Text

2019, vol. 6, no 2, pp. 23–29.

10. Abasiyanik Sait Faik /Alemdagda var bir yılan/ Abasiyanik S.F.//Dülger balığın ölümü.- Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Nisan 2009.-95 s.
11. Abasiyanik Sait Faik /Sarıç/ Abasiyanik S. F. / –Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Ocak 2010. –95 s.
12. Abasiyanik Sait Faik /Lüzumsuz Adam/Abasiyanik S.F.//Bacakları Olsaydı. –Yapı Kredi Yayınları:İstanbul, Ocak 2010. –87s.
13. Abasiyanik Sait Faik/Havada bulut /. – Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Şubat 2010.- 106s.
14. Abasiyanik Sait Faik/Son kuşlar /Sivriada geceleri. – Yapı Kredi Yayınları: İstanbul, Şubat 2010.- 106s.
15. Alangı Tahir. Sait Faik İçin / Tahir Alangı. – Yeditepe: Yayınları, 1956.
16. Öztürk, Tuncay, (2011) Sait Faik Hikâyeciliğinde Merkez ve Taşra Arasında Bir Kaçış Mekanı Olarak Ada.
17. Parehk, Bhikhu, (2002) Çok kültürlülüğü Yeniden Düşünmek, Ankara Phoenix yayınevi.
18. Alptekin Mahmut. Sait Faik / Mahmut Alptekin. – Toker Yayınları, 1974.
19. Aslan Celal. Sait Faik'in Öykülerinde Kurgu ve Anlatım Teknikleri. – Ankara Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Ankara, 2007.
20. Kabaz İbrahim. Sait Faik Abasiyanik. / İbrahim Kabaz. – Şule Yayınları, 1999.
21. Kutlu Mustafa. Sait Faik'in Hikaye Dünyası / Mustafa Kutlu. – Hareket Yayınları, 1961.
22. Kurt Mustafa. Modernizm ve Gerçeküstücülük Bağlamında Sait Faik'in Son Hikayeleri, Turkish Studies. – International Periodical For The Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. – Volume 6/3. – Summer 2011. – R. 1463-1475.
23. Sönmez Sevgül. Sait Faik Dosyası / Sevgül Sönmez. // Kitaplık, Yapı Kredi Yayınları. – 2003. – Ocak.

Специфика психологизма в творчестве Э.М. Ремарка (на материале произведения «Тени в раю»)

Гусева Е.В.,

Кандидат филологических наук, кафедра «Зарубежной и русской филологии» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, lemuelle@yandex.ru

В статье анализируются приемы психологизма в творчестве Эриха Марии Ремарка на примере его позднего произведения «Тени в раю», менее известного и изученного по сравнению с прославленными и неоднократно экранизовавшимися романами «На западном фронте без перемен», «Три товарища» или «Триумфальная арка». В работе уточняется само понятие «психологизма», рассматриваются его характерные черты, выделяются основные формы психологизма. На конкретных примерах демонстрируется роль портрета, цветописи, звукописи, художественных деталей, речи героев и особенностей их невербальной коммуникации в произведении немецкого писателя. Доказывается, что вся совокупность приемов психологизма помогает осознанию проблематики произведения. Проблематики, во многом обусловленной исторической и политической обстановкой того времени, в которое жил и писал автор, но не ограничивающейся ею. Ведь ситуации экзистенциального кризиса и нравственного выбора, в которых часто оказываются герои Ремарка, типичны для любой эпохи. Способность писателя раскрыть внутренний мир своих персонажей и понять, чем они руководствуются в своих поступках, подчас иррациональных, – вот то, что и сегодня, в XXI столетии, делает его творчество актуальным и интересным читателям.

Ключевые слова: Э.М. Ремарк, психологизм, «Тени в раю», формы психологического анализа, прямой психологизм, косвенный психологизм, суммарно-обозначающая форма психологизма.

Для цитаты:

Гусева Е.В. Специфика психологизма в творчестве Э.М. Ремарка (на материале произведения «Тени в раю») [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Guseva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060205 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Guseva E.V. The specificity of psychologism in the works of E.M. Remark (on the material of the work “Shadows in Paradise”) [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Guseva.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060205 (Accessed dd.mm.yyyy)

Творчество немецкого писателя Эриха Марии Ремарка второе столетие продолжает оставаться популярным, особенно среди молодых людей, ищущих свой путь в жизни. В середине – второй половине XX века массовый интерес к книгам Ремарка объясняли преимущественно не их художественными достоинствами, а антимилитаристской направленностью, антифашистским пафосом. Литературоведы и литературные критики, называвшие романы писателя важнейшими «документами эпохи» и «манифестами поколения», неоднократно упрекали писателя в подражательности, самоцитировании, предсказуемости и даже банальности сюжетов, что, например, отражено в статье И. Фрадкина «Ремарк и споры о нем» [10]. Однако для читателя XXI века военная тематика едва ли является определяющей. Думается, читательская любовь к Ремарку вызвана более глубинными причинами, которые кроются в способности писателя раскрыть внутренний мир своих героев; понять, чем они руководствуются в своих поступках, подчас иррациональных; в попытке

достучаться до их сердец. Военная тема при этом лишь драматизирует те ситуации экзистенциального кризиса и нравственного выбора, в которых оказываются персонажи.

Сам автор размышлял об этом следующим образом: «В нашей жизни масса парадоксов. Я родился во времена газовых ламп, пережил период развития электричества и авиации... Если проживу еще десять – пятнадцать лет, то дождусь полета на Луну. Наука преодолела все. Только людям не удалось стать друг другу ближе. (...) И все-таки я верю, что люди найдут пути друг к другу» [7, с. 10]. Все, что касается психологии человека, мотивов его поступков не устаревает со временем. Вот почему при рассмотрении творчества немецкого писателя одним из ключевых понятий представляется психологизм.

Трактовка термина «психологизм» в различных научных и справочных изданиях разнообразна и неоднозначна. Согласно известному философу Н.О. Лосскому, «психологизм есть направление, рассматривающее все явления, входящие в круг какой-либо науки как психические процессы, и соответственно этому утверждающее, что законы, которым они подчинены, суть законы психологические» [6, с. 299]. В психологическом словаре под редакцией В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова психологизмом названа «стилевая характеристика литературных произведений, в которой подробно и глубоко изображается внутренний мир персонажей, т.е. их ощущения, мысли, чувства и, возможно, дается тонкий и убедительный психологический анализ душевных явлений и поведения» [6, с. 299].

«В психологизме один из секретов долгой исторической жизни литературы прошлого: говоря о душе человека, она говорит с каждым читателем о нем самом» [3, с. 15], – утверждает литературовед и культуролог А.Б. Есин. Действительно, одна из наиболее притягательных черт художественной литературы состоит в ее способности раскрыть тайны внутреннего мира личности, выразить ее душевные движения так точно и ярко, как не под силу сделать человеку в обыденной жизни, что тесно связано с понятием психологизма. А.Б. Есин говорит о психологизме в широком и узком ключе: «В широком смысле под психологизмом подразумевается всеобщее свойство искусства, заключающееся в воспроизведении человеческой жизни, в изображении человеческих характеров (...) между тем за термином психологизм в литературоведении прочно закрепилось другое, более узкое значение, согласно которому психологизм является свойством, характерным не для всего искусства и всей литературы, а лишь для определенной их части. При этом подчеркивается, что “писатели-психологи” изображают внутренний мир человека особенно ярко, живо и подробно, достигают особой глубины в его художественном освоении» [3, с. 4 – 5]. Подводя итог, Есин А.Б. определяет психологизм как «достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей, переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств художественной литературы» [3, с. 16].

По мнению Л.Я. Гинзбург, психологизм осуществляется «в форме прямых авторских размышлений или в форме самоанализа героев, или косвенным образом – в изображении их жестов, поступков, которые должен аналитически истолковать подготовленный автором читатель» [2, с. 330]. Лидия Яковлевна отмечает, что «среди всех этих средств анализа особое место принадлежит внешней и внутренней речи персонажей. Их поведение, переживание писатель переводит на язык слов, тогда как, изображая речь человека, он пользуется той же системой знаков, и средства изображения тождественны тогда изображаемому объекту» [2, с. 342]. Современный автор А.Ю. Силаев в своей статье «Психологизм как художественный прием», посвященной творчеству С.В. Лукьяненко, определяет психологизм как «конкретный художественный приём, осуществляемый ограниченным набором технических средств, направленный на то, чтобы читатель по двум-трем фрагментам сложил в сознании целую картину мыслей и мотивов литературного героя» [9]. Обобщая трактовки исследователей, можно говорить о том, что психологизм – это раскрытие автором внутреннего мира героя при помощи всего многообразия художественных средств.

Существуют различные виды психологизма. Это явный, открытый психологизм Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, У. Фолкнера или А. Моравиа и неявный, «подтекстовый» психологизм,

при котором чувства героев лишь угадываются. Такой вид психологизма характерен, например, для творчества А.П. Чехова, который о переживаниях персонажей говорит обычно бегло и вскользь. Лишь по мелким деталям и намекам читатель угадывает в чеховских героях сильные чувства и эмоции. Особенно ярко проявил себя психологизм подобного рода в художественной прозе XX века: в произведениях И.А. Бунина, М. Пруста,

Д. Джойса и др.

Типичен скрытый психологизм и для военной прозы Э.М. Ремарка. При этом абсолютно безэмоциональная фраза, написанная протокольным языком, подчас может вызвать у читателя не менее сильный отклик, чем подробные описания ужасов войны. Возьмем в качестве примера цитату из романа писателя «Время жить и время умирать»: «Природа сама по себе уже давно перестала для них (солдат) существовать, она была хороша или плоха только в связи с войной. Как защита или угроза» [7, с. 42]. В двух коротких предложениях – квинтэссенция жестоких законов военного времени. Жизнь всех без исключения персонажей завязана на войне, вне военных будней она не существует. Отпуск, во время которого видишься с семьей и друзьями, – это лишь кратковременный праздник, о котором вскоре забываешь, как о недолгом сне. По-настоящему реальны только смерть, ранения, голод, только серое небо над головой и тяжелый мокрый снег, в котором увязаешь ногами.

Многочисленны и неоднозначны формы психологического анализа. По мнению И.В. Страхова, их можно разделить на изображение характеров изнутри, к которому относятся внутренняя речь, образы памяти и воображения, и на изображение извне – интерпретацию писателем выразительных особенностей речевого, мимического поведения и других средств внешнего проявления психики. Согласно А.Б. Есину, помимо двух форм психологического анализа, выделенных Страховым, существует также «суммарно-обозначающая» форма, при которой писатель сообщает читателю о том, что думает и чувствует тот или иной персонаж «с помощью названия, предельно кратко обозначения тех процессов, которые протекают во внутреннем мире» [3, с. 13].

Итак, приемы воспроизведения внутреннего мира персонажа можно свести к трем следующим формам: 1) Изображение характеров изнутри – прямой психологизм, при котором путем самораскрытия воссоздается поток мыслей и чувств в сознании и подсознании персонажа. К этому типу психологизма относятся внутренний монолог, поток сознания, сон, исповедь, дневник, образы памяти и воображения; 2) Внешняя форма изображения характеров – косвенный психологизм, при котором происходит описание особенностей речи, мимики, жестов, движений и других признаков внешнего проявления характера; 3) «Синтетическая» или суммарно-обозначающая форма психологизма, при которой автором называются, но не анализируются чувства персонажей.

В литературе XX столетия все три формы взаимопроникаемы и часто используются одновременно. Порой в литературе новейшего времени косвенная форма не только выступает на фоне прямой, но и преобладает над ней, примером чего могут служить многие рассказы Хемингуэя. Это требует дополнительных усилий читателя: он, как бы вступив в «соавторство», сам должен воссоздавать недостающие звенья в психологическом рисунке душевной жизни персонажа. Следует, однако, помнить, что даже когда прямая форма предельно редуцирована, ее наличие в произведении все же ощущается. Сама «косвенная форма психологизма новейшего времени как бы скрыто содержит в себе прямую, ибо подразумевает возможность и необходимость расшифровки, возможность своей замены (хотя бы в читательском сознании) на форму прямую» [3, с. 17].

Что касается творчества Э.М. Ремарка, то он в своих произведениях о военном времени и жизни в эмиграции прибегает ко всем трем формам психологизма, обходясь «без формальных новшеств, следуя лишь правде передачи психологических состояний» [11, с. 208]. Рассмотрим наиболее часто используемые Ремарком приемы психологизма на примере его романа «Тени в раю», изданного посмертно (1971). Как большинство произведений писателя, этот роман повествует о попытках людей, измученных годами войны, убежать от суровой реальности военного времени. В отличие от более ранней прозы Ремарка, этот роман почти лишен внешнего драматизма, надрыва, в нем больше созерцательности, выстраданного спокойствия и философских размышлений.

Относительное жизненное «благополучие еще больше оттеняет трагизм эмигрантского существования, лишенного цели и веры. Большинство из них [эмигрантов], вынесших лишения и удары судьбы, крушение иллюзий, ждет безвыходное отчаяние, гибель, смерть, самоубийство» [4, с. 90].

Один из любимых приемов Ремарка – акцент на художественных деталях, имеющих в контексте произведения важное психологическое значение. Рассмотрим насыщенный яркими деталями отрывок из романа, представляющий собой поток сознания героя: «Тени и призраки умчались на вечернюю улицу сквозь светлый дверной проем. В зеркале напротив тускло-серое пятно тщетно пыталось приобрести серебристый блеск. Плюшевые кресла стали лиловыми, и на мгновение мне показалось, что на них запеклась кровь. Очень много крови» [8, с. 230]. В этом примере внешняя психологическая форма (описание плюшевых, ставших лиловыми кресел и серебристо-тусклого зеркала) соединяется с внутренней психологической формой (мыслями героя, которые преобразуют реальность, придавая ей черты inferнального – на креслах будто бы запеклась кровь). Далее следует продолжение внутреннего монолога персонажа, его вопрос, обращенный к самому себе: «Где я видел столько крови?...» и болезненные воспоминания о наполненной трупами «маленькой серой комнате, за окнами которой полыхал невиданный закат...» [8, с. 230]. Жестокие пытки и убийства людей – то, что и спустя много лет наводняет собой ночные кошмары центрального персонажа.

В приведенной цитате нельзя не отметить богатую цветопись. Красный цвет крови «рифмуется» с невиданно ярким закатом, который, в свою очередь, обращает нас к образу огня как страшной, могущественной стихии, истребляющей все на своем пути. Неожиданный цветовой контраст строится не на привычном противопоставлении света и тьмы, но на антитезе света и серости. Примечательно, что зло для Э.М. Ремарка именно серое, на первый взгляд незаметное и не вызывающее страха. Лики зла – это мещанство, приспособленчество и бездействие: то, что, с точки зрения автора, и привело к фашизму в Германии. Так, в романе «Триумфальная арка» нацист Хааке, когда-то истязавший Равика в концлагере, оказывается не злодеем шекспировского масштаба, а мелочным буржуа, любящим вкусно поесть и посмеяться над плоскими шутками. Равик ловит себя на том, что не может испытывать к такому человеку ненависть, только презрение. Он убивает его не из личной мести, а выполняя своего рода миссию – исполняя долг перед забытыми, безымянными жертвами гестапо.

Часто Ремарк прибегает к портрету – внешнему и внутреннему описанию персонажа: «Женщина была почти одного роста со мной. В темном облегающем костюме она выглядела очень худой. Говорила она как-то чересчур торопливо, и голос у нее был, пожалуй, слишком громкий и словно прокуренный. (...) Только сейчас я заметил, что Наташа Петрова была в шляпке без полей, до крайности воздушной и надетой слегка набок» [8, с. 231]. В приведенном абзаце автор сначала указывает на первое восприятие Наташи героем – высокий рост, худоба, громкий и грубоватый голос. Пожалуй, под такое описание подошли бы многие женщины. Но затем Ремарк добавляет еще одну деталь туалета героини – небрежно надетую воздушную шляпку, и у читателя сразу возникает ощущение незащитности Наташи, ее затерянности в мире, почти бесплотности ее образа. Рождается и аналогия с центральным персонажем романа, которого многие называют беззащитным, незащищенным: « – Я благодарен за время, проведенное у вас. И за то, что вы помогли мне. Почему, собственно? (...) – Знаете почему? Наверное, потому что вы такой незащищенный (...) Так оно и есть, – сам удивляясь, сказал Лоу. А ведь, глядя на вас, этого никогда не скажешь. Но вы именно незащищенный» [8, с. 282]. Здесь также прослеживается ассоциация с самим названием произведения «Тени в раю». Под теньями автор подразумевает людей, лишенных опоры, утративших дом – вечных странников, тщетно мечтающих забыть о прошлом.

Ощущение незащищенности и даже некоторой слабости Наташи будет по ходу развития сюжета лишь усиливаться: она – светлая, тонкая, почти прозрачная, как ее глаза: «Она взглянула на меня своими серыми прозрачными глазами» [8, с. 255]. «Звук ее торопливых шагов странно не соответствовал гибкой и тонкой фигуре, слегка покачивавшейся на ходу» [8, с. 255]. Прибавив к

этому ее беспричинный плач, внезапные приступы раздражительности и не менее внезапные приступы смеха, можно получить психологический портрет неуравновешенной, меланхолической личности: «В Наташе было что-то кошачье-веселое и вместе с тем печальное» [8, с. 237]. Все это совпадает и с собственной оценкой себя героиней: «Я сентиментальна, романтична и невыносима» [8, с. 237].

В произведениях Ремарка, и «Тени в раю» – не исключение, важной является звукопись, которая включает в себя и звуки города, и музыку, и пение: «Пуэрториканка внезапно запела. Она пела по-испански. (...) Голос у нее был великолепный, низкий и сильный. Она пела, не сводя глаз с мексиканца. Это была песня, исполненная печали и в то же время ничем не прикрытого сладострастия. (...) Я оглянулся – все молчали. Я оглядывал их всех по очереди, а песня продолжала литься: я видел Рауля и Джона, Лахмана, Меликова и Наташу Петрову – они молча слушали, эта женщина подняла их над обыденностью, но сама никого не видела, кроме мексиканца, кроме его помятого лица сутенера, в котором сосредоточилась вся ее жизнь. И это не было ни странно, ни смешно» [8, с. 288]. В этой сцене автором демонстрируется, как музыка способна увлечь всех, поднять над бытом, над суетностью повседневной жизни, заставив почувствовать красоту человеческого существования. Все иллюзорно, и любовь пуэрториканки к мексиканцу тоже, ведь она наделила его теми качествами, которыми он не обладает. Но на таких иллюзиях и держится мир, ведь благодаря им создаются литературные и музыкальные произведения, преображающие реальность, а значит, являющиеся благотворными для человека. Но таким эффектом преображения и глубокого воздействия на личность обладает лишь подлинное искусство, вот почему в другом отрывке романа, где описывается дешевое ресторанное пение, главный герой не чувствует ничего, кроме раздражения и недовольства: «– Как вы это находите? – спросила Наташа. – Мещанская песенка» [8, с. 328]. Сама ресторанная атмосфера – со слепящим светом ламп, угодливыми официантами, пением по заказу посетителей – не располагает к вдумчивому слушанию.

Важную роль в аспекте психологизма играет и пейзаж, который в произведении «Тени в раю» является преимущественно урбанистическим. Лишь в своих воспоминаниях центральный персонаж обращается к стихийно-свободному природному миру, каждый раз от этих ретроспективных описаний переходя к описанию логично-размеренного, предсказуемого городского ландшафта с его заполненными посетителями ресторанами и кафе, машинами, несущимися по автотрассе, красочными витринами магазинов. Любопытно то, что в произведениях Ремарка не пейзаж отображает психологическое состояние героя, как часто происходит в литературе XIX – XX веков, а скорее наоборот – состояние героя накладывается на особое восприятие им города, погоды.

Возьмем для сравнения две ситуации из романа, связанные с плохой погодой. Первая описывает позднее возвращение героя в гостиницу после неудачно проведенного вечера: «Ночь была душная и влажная, и я медленно побрел к станции метро. Из метро на меня пахло спертым горячим воздухом, словно из подземелья, где тлела куча угля. Станция была плохо освещена. Поезд выскочил из темноты и с лязгом остановился. (...) И мы помчались под землей чужого города» [8, с. 405]. Все детали, из которых соткана эта картина, – влажность и духота воздуха, скудное освещение в метро, звук приближающегося поезда – подчеркивают неприкаянность, которую ощущает герой в неродном ему городе. Персонаж чувствует себя тем более расстроенным, что ему весь вечер пришлось провести вместе со своим соперником, поклонником Наташи, слушая бестактные замечания последнего о Германии и немцах. Здесь вступает в силу простая психологическая закономерность: человек склонен замечать в окружающем мире то, что хочет увидеть. С другой стороны, сильный ливень, под который главный герой попадает вместе с Наташей, вызывает у него лишь положительные эмоции и способствует пробуждению счастливых воспоминаний: «Дождь барабанил по асфальту, и улица превратилась в темную, бурлящую неглубокую реку, в которую градом сыпались прозрачные копья и стрелы. (...) Я держал Наташу в объятиях, ощущал теплоту ее тела, и в то же время какая-то часть моего “я” была далеко-далеко; там, в этом далеке, “я” склонилось над

заброшенным фонтаном, который уже давно не бил, и слушало о прошлом, очень далеком и потому особенно пленительном» [8, с. 417].

Еще одним психологическим приемом, часто используемым Ремарком, является его обращение к внешней и внутренней речи персонажей. «В прямой речи действующих лиц таятся (...) особые возможности непосредственного и как бы особенно достоверного свидетельства их психологических состояний. Слово персонажа может стать до предела сжатым отражением его характера, переживаний, побуждений, своего рода фокусом художественной трактовки образа» [2, с. 331].

Существуют речевые ситуации, изначально задающие определенное содержание разговора. Например, предрешенными являются высказывания, преследующие ту или иную практическую цель. Но людям присущи и более свободные, подчас случайные формы речевого общения, чьи мотивы и цели выявить затруднительно. У Э.М. Ремарка чаще встречаются как раз такие спонтанные диалоги, с репликами, на первый взгляд, выбивающимися из контекста. В таких случаях полностью понять речевую ситуацию поможет лишь анализ всего предшествующего содержания. Рассмотрим один из разговоров между главным героем и Наташей:

« – Сегодня утром я узнала это из письма... (то, что в квартиру, где временно обитали герои, возвращается ее владелец).

– Откуда письмо?

– Почему тебя это вдруг заинтересовало?

– Да нет же. Просто я задал идиотский вопрос, чтобы скрыть замешательство.

– Письмо из Мексики. Там тоже закончилась одна большая любовь.

– Что значит: там тоже?

– Этот вопрос также вызван желанием скрыть замешательство?

– Нет. Он вызван чисто абстрактным интересом к развитию человеческих отношений»

[8, с. 476].

Из одного этого отрывка мало что можно почерпнуть в фактическом плане, однако, если знать историю отношений персонажей, то можно увидеть в их короткой словесной перепалке многое: и тревогу Наташи о том, что их любовь не будет длиться долго, ее неуверенность в завтрашнем дне; и напряженное состояние героя, который не хочет обманывать любимую женщину, вместе с тем понимая всю обреченность их страсти. Человеку, живущему без паспорта, нигде не суждено обрести дом, он вынужденный скиталец, и длительные серьезные отношения способны лишь усложнить и без того непростую жизнь на чужбине.

Важной является не только речь персонажей, но и вся ситуация общения в целом; интонация, мимика, жесты – все то, что относится к невербальной коммуникации. В романах Э.М. Ремарка почти всегда можно увидеть своего рода деление на динамичных, подвижных персонажей и тех, чьи движения не описываются вовсе, как малозначимые. Обычно наиболее статичным персонажем является главный герой, так как о большей части происходящих действий рассказывается от его лица, то есть он выступает в первую очередь не в роли активного деятеля, а в роли хроникера событий. «Если ему [Ремарку] нужен голос фронтовиков и типология трагедии, то он прибегает к персонажу-повествователю, относящемуся ко всем фронтовикам (совокупное «мы»)» [5]. То же утверждение можно отнести и к типу героя-эмигранта. Лишь иногда главный герой описывается окружающими его персонажами или автором произведения.

Одним из самых динамичных, физически выразительных героев, по контрасту с главным героем, часто является центральная героиня, в романе «Тени в раю» – Наташа, которой присущи повышенная эмоциональность и артистизм: «Вы... вы немножко того... – И постучала себя пальцем по виску. – Я действительно несколько раз видела, как меняли оформление витрины. Вы ведь знаете, как это делается: все беззвучно шныряют за стеклом в одних чулках и делают вид, что не замечают глазающих прохожих. Она представила это в лицах» [8, с. 332]. Перемены настроения героини маркируются сменой интонации, резкими движениями: «Наташа начала обличать меня не то всерьез,

Гусева Е.В.
Специфика психологизма в творчестве Э.М. Ремарка (на материале произведения «Тени в раю»)
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 30–39.

Guseva E.V.
The specificity of psychologism in the works of E.M. Remark (on the material of the work “Shadows in Paradise”)
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 30–39.

не то в шутку, но потом взвинтила себя и пришла в воинственное настроение – я заметил это по ее глазам, по движениям и по голосу, который вдруг стал звонче» [8, с. 438]. Изменчиво, подвижно и лицо Наташи: «Она (Наташа) не обладала трагической красотой Кармен, но лицо ее отличалось удивительной живостью – глаза ее то искрились озорным, мгновенно рождающимся, агрессивным юмором, то вдруг становились мечтательно-нежными» [8, с. 329].

Вся совокупность приемов психологизма – портретные характеристики, внешние детали, речь персонажей, особенности их невербальной коммуникации, их мысли и чувства – создает особый мир литературного произведения и помогает пониманию его проблематики. Говоря о художественном мире, созданном Ремарком, стоит отметить его нарочитую простоту и максимальную приближенность к читателю, позволившую одному из исследователей так охарактеризовать творческую манеру писателя: «Он никуда не зовет, ничему не хочет учить. Он просто повествует о своих сверстниках, об их мыслях, ощущениях, страданиях и радостях; просто вспоминает о женщинах, вине, о встречах с такими же эмигрантами, как он сам» [1, с. 15]. Глобальные трагедии эпохи демонстрируются Ремарком сквозь призму личного опыта человека, страшные приметы нацизма проглядывают в обыденных ситуациях, а нравственный выбор приходится совершать не только на войне, но и в мирной жизни. Все это делает творчество писателя понятным и интересным читателям XXI века.

Литература

1. Борисенко А. Ностальгическое прошлое. Почему Ремарк так любим в России? // *Иностранная литература*, 2001. – № 11. – С. 15 – 24.
2. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. – Ленинград, Худ. лит-ра, 1996. – 448 с.
3. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. – М., Флинта, МПСИ, 2003. – 175 с.
4. *История зарубежной литературы XX века. 1917 – 1945 гг.: учебник для студентов филол. фак. пед. институтов / Под ред. В.Н. Богословского, З.Т. Гражданской /*. – М., Просвещение, 1984. – 304 с.
5. Похаленков О.Е. "Возвращение" Э.М. Ремарка: роль нарратора в организации структуры произведения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/vozvrashchenie-em-remarka-rol-narratora-v-organizacii-strukturi-proizvedeniya.html> (дата обращения: 23.04.2019).
6. *Психологический словарь (под редакцией В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова)*. – М., Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
7. Ремарк Э.М. *Время жить и время умирать*. – Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1983. – 287 с.
8. Ремарк Э.М. *Ночь в Лиссабоне. Тени в раю*. – М., Правда, 1990. – 622 с.
9. Силаев А.Ю. Психологизм как художественный прием [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/silaew_a_j/psihologizm.shtml (дата обращения: 23.03.2019)
10. Фрадкин И. Ремарк и споры о нем: к оценке творчества немецкого писателя советской критикой [Электронный ресурс].
11. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/remark-i-spory-o-nem.html> (дата обращения: 22.04.2019)
12. Шабловская И.В. *История зарубежной литературы XX века (первая половина)*. – Минск, Экономпресс, 1998. – 384 с.

The specificity of psychologism in the works of E.M. Remarque (on the material of the work “Shadows in Paradise”)

Guseva E.V.,

*Candidate of Philological Sciences, Department of Foreign and Russian Philology,
MSUPE, Moscow, Russia*

The article analyzes the methods of psychologism in the work of Erich Maria Remarque on the example of his late work “Shadows in Paradise”, less well known and studied in comparison with the glorified and repeatedly filmed novels “On the Western Front Without Changes”, “Three Comrades” or “Triumphal Arch”. The work clarifies the very concept of “psychologism”, examines its characteristic features, highlights the main forms of psychologism. The specific examples demonstrate the role of the portrait, color painting, sound writing, artistic details, the speech of the characters and the peculiarities of their non-verbal communication in the work of the German writer. It is proved that the whole set of methods of psychologism helps the awareness of the problematics of the work. Problems, largely due to the historical and political situation of the time in which the author lived and wrote, but not limited to it. After all, the situations of existential crisis and moral choice, in which Remarque's characters often find themselves, are typical of any era. The ability of the writer to reveal the inner world of his characters and understand how they are guided in their actions, sometimes irrational, - this is what makes his work relevant and interesting to readers even today, in the 21st century.

Keywords: E.M. Remarque, psychologism, “Shadows in paradise”, forms of psychological analysis, direct psychologism, indirect psychologism, summarily-denoting form of psychologism.

References

1. Borisenko A. Nostal'gicheskoe proshloe. Pochemu Remarque tak lyubim v Rossii? // Inostrannaya literatura, 2001. – № 11. – S. 15 – 24.
2. Ginzburg L.YA. O psihologicheskoy proze. – Leningrad, Hud. lit-ra, 1996. – 448 s.
3. Esin A.B. Psihologizm russkoj klassicheskoy literatury. – M., Flinta, MPSI, 2003. – 175 s.
4. Istoriya zarubezhnoj literatury XX veka. 1917 – 1945 gg.: uchebnik dlya studentov filol. fak. ped. institutov / Pod red. V.N. Bogoslovskogo, Z.T. Grazhdanskoj /. – M., Prosveshchenie, 1984. – 304 s.
5. Pohalnikov O.E. "Vozvrashchenie" E.M. Remarka: rol' narratora v organizacii struktury proizvedeniya [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/vozvrashchenie-em-remarka-rol-narratora-v-organizacii-strukturi-proizvedeniya.html> (data obrashcheniya: 23.04.2019).
6. Psihologicheskij slovar' (pod redakciej V.P. Zinchenko, B.G. Meshcheryakova). – M., Pedagogika-Press, 1996. – 440 s.
7. Remarque E.M. Vremya zhit' i vremya umirat'. – Gor'kij, Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1983. – 287 s.
8. Remarque E.M. Noch' v Lissabone. Teni v rayu. – M., Pravda, 1990. – 622 s.

Гусева Е.В.

Специфика психологизма в творчестве Э.М. Ремарка (на материале произведения «Тени в раю»)

Язык и текст

2019. Том 6. № 2. С. 30–39.

Guseva E.V.

The specificity of psychologism in the works of E.M. Remark (on the material of the work “Shadows in Paradise”)

Language and Text

2019, vol. 6, no 2, pp. 30–39.

9. Silaev A.YU. Psihologizm kak hudozhestvennyj priem [Elektronnyj resurs]. URL: http://samlib.ru/s/silaew_a_j/psihologizm.shtml (data obrashcheniya: 23.03.2019)
10. Fradkin I. Remark i spory o nem: k ocenke tvorchestva nemeckogo pisatelya sovetskoj kritikoj [Elektronnyj resurs].
11. URL: <http://www.em-remarque.ru/library/remark-i-spory-o-nem.html> (data obrashcheniya: 22.04.2019)
12. SHablovskaya I.V. Istoriya zarubezhnoj literatury ХХХ века (pervaya polovina). – Minsk, Ekonompress, 1998. – 384 s.

Особенности реализации семантики диминутивности в рутульском языке

Мариза И.О.,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства Дагестанского научного центра РАН г. Махачкала

В статье формулируются общие положения, явившиеся результатом анализа способов выражения диминутивности в рутульском языке. На основе анализа фактического материала выявлено преобладание лексико-семантических средств реализации семантики диминутивности в рутульском языке, что обусловлено необходимостью восполнения недостатка морфологических диминутивных образований.

Ключевые слова: категория диминутивности, семантика диминутивности, рутульский язык.

Для цитаты:

Мариза И.О. Особенности реализации семантики диминутивности в рутульском языке [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Mariza.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060206 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Mariza I.O. Features of the implementation of the semantics of diminutiveness in the Rutul language [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Example.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060206 (Accessed dd.mm.yyyy)

В соответствии с особенностями языковой картины мира этносоциума, определяющими базовые языковые стандарты выражения семантических категорий, диминутивность представлена во всех языках на морфологическом, лексико-семантическом и фразеологическом уровнях.

С помощью понятийной категории диминутивности, являющейся составной частью языковой и концептуальной картин мира, познаются особенности национального восприятия и отношения к миру. В языках мира средства репрезентации исследуемой категории представлены неравномерно: так, в нахско-дагестанских языках, к которым относится рутульский язык, морфологические средства выражения семантики диминутивности представлены скудно, в отличие от синтетических языков (в частности русского языка), в которых категория диминутивности богато представлена и на морфологическом, и на лексико-семантическом уровнях.

Использование слов с диминутивным суффиксом позволяет говорящему выделить объекты и явления действительности из разряда обычных, проявляя по отношению к ним либо свою особую симпатию, либо антипатию. Референт оценивается на основании концепта незначительности, лежащего в основе понятийной категории диминутивности, при этом оценка может быть положительной (в случае реализации сценария благоприятного взаимоотношения) или отрицательной (в случае реализации сценария демонстрации антипатии). Выбор положительного/отрицательного отношения адресанта к референту обусловлен многими факторами, предшествующими моменту речи, немаловажным фактором является и эмоциональный настрой адресата.

В рутульском языке есть лексемы с диминутивным суффиксом, содержащие либо только положительную оценку референта (дидай «папенька», рышай «доченька» и др.), либо только отрицательную, пренебрежительную оценку референта (члувукуй «кривой/-ая», гичЛентий «трус, бояка», вешентий «плакса» и др.).

Кроме описанных выше случаев, в описываемом языке выявляются суффиксы, оценочность которых (положительную или отрицательную) можно определить лишь с учетом того контекста, в котором употребляется лексема с диминутивным суффиксом: члурый «рыжик», сикликий «лисичка», гьулдидий «куропаточка».

Достаточно слабая представленность в дагестанских языках категории диминутивности на морфологическом уровне и факт наличия ограниченного числа лексем, оформленных диминутивным суффиксом, позволяет делать выводы о неактуальности концепта диминутивности для носителей дагестанских языков или о выраженности этого концепта на других уровнях языка.

В рутульском языке исследователями А.С. Алисултановым, Г.Х. Ибрагимовым и Г.А. Султанаевой выявлены аффиксы -ай, -уй, -ый, придающие уменьшительно-ласкательную семантику именам существительным: дид-ай «папенька», нин-ай «маменька», рыш-ай «доченька», гыг-ый «дяденька», дух-уй «сыночек» и т.д. [1, с. 85].

Мы также выявили в исследуемом языке несколько слов, характерных только для детского языка или «языка нянь»: бибий «хлеб», бапый «каша», гьалвый «собака», гышикий «ослик», дзицений «теленок» и т.д. Это не диминутивы, образованные от обычных существительных с помощью специальных аффиксов, а специальные слова, используемые только при общении с детьми, но в их структуре также присутствуют суффиксы -ий, -ый, оформляющие слова с уменьшительно-ласкательной семантикой.

Близки к этим «детским» словам и лексемы, образованные от обычных существительных с помощью суффиксов -ий, -уй, -ый, но с дополнительными наращениями (часто редуцированными), не продуктивными в словообразовательной системе рутульского языка:

кьалб-аб-ый «люлька» – от кьалб «люлька»;

гел-ел-ий «ягненок» – от гел «ягненок»;

гьулд-ид-ий «куропаточка» – от гьулд «куропатка»;

кьул-ил-ий «мышонок, мышка» – от кьул «мышь».

Существительное сик1 «лиса» образует две уменьшительно-ласкательные формы: сик1-ик1-ий «лисичка» и сик1-енк1-ий «лисичка».

От существительных си «медведь», гьыр «заяц» диминутивные формы образуются посредством сложных наращений -бамб-, -еше-пап1-:

си «медведь» – си-бамб-ый «медвежонок»;

гьыр «заяц» – гьыр-еше-пап1-ый «зайчик».

Сложную структуру в плане этимологии имеет лексема гьыр-е-ш-е-пап1-ый «зайчик», используемая в «языке нянь»: гьыр «заяц» + гласный -е (усеченный вариант маркера плюралиса -ер) + детерминатив -ш-, характерный для косвенной основы всех одушевленных существительных мн. числа + показатель эргатива -е + компонент -пап1, этимология которого затемнена + диминутивный суффикс -ый.

Существительное бисий «котик, кошечка» образовано от призывного слова бис (в рутульском языке призывное слово для кошек – «бис-бис») и изначально содержит уменьшительно-ласкательный суффикс -ий, но образует повторную диминутивную форму присоединением наращения -енк1: бисий «котик, кошечка» – бис-енк1-уй «котик, кошечка».

Диминутивы-обращения часто используются в разговорной рутульской речи: нинай «маменька» – от нин «мама», дидай «папенька» – от дид «отец», духай «сынок» – от дух «сын», рышай «доченька» – от рыш «дочь». Эти формы с аффиксом -ай в речи рутульцев используются только для обращения, что позволяет предположить наличие в недавнем прошлом в рутульском языке вокатива, образуемого только от одушевленных существительных, это подтверждается и примерами исконных антропонимов, названий родов и кличек животных с суффиксами -ий, -уй, -ый, -ыйй:

мужские имена: Серкерий, Гаманый, Давыдый и т.д.;

женские имена: К1уч1ий, Къзилий, Хадиджий, Гьалвалый и т.д.;

названия родов: Суыйй, Къзукуый, Карый, К1арагыый и т.д.;

клички животных: Гы1рий, Кы1рч1елий, Кыат1ый и т.д.

Проблема отсутствия диминутивных форм вскрывается при необходимости осуществления перевода с русского языка на рутульский. Решение проблемы невозможности буквального отражения диминутивных форм решается путем использования рутульских прилагательных и наречий: к1аьды «маленький», ц1амды «малый», ц1ам «мало», сагьа1л «мало».

Репрезентантами диминутивности в рутульском языке выступают фразеологические сочетания с семантикой недостаточного размера, малого количества, юного возраста, низкого социального или имущественного положения и т.д. Как правило, в них отражается оттенок пренебрежительности:

улире хаджакьыд – маленький, незначительный, незаметный (букв. «глазу незаметный»);

ч1арад кар – мизерная помощь (букв. «помощь величиной с волос»);

бег бегидаа хьуь хы1лвхы1д – (ирон.) дальний родственник (букв. «бок о бок рядом прошедший») [2, с. 18].

В рутульском языке меры веса хьеб «ноготь», хы1л «крошка», ук1 «капля» используются для отражения семантики «мизерная доля чего-либо». Паремииологический и фразеологический фонды рутульцев отражают специфику этой меры:

хьеб духьунды «(величиной) с ноготь»;

хьебелихьде гид «очень мало, мизерное количество» (букв. «под ноготь умещающийся») [2, с. 161];

хы1л духьунды «(величиной) с крошку»;

эбиред ук1 кид не дыдырды лакь кид. «дальний родственник, седьмая вода на киселе» (букв. «каплю крови содержащий (общую) и (размером с) мухи печень (общую) содержащий»).

Таким образом, в рутульском языке лексический и фразеологический уровни компенсируют отсутствие достаточного количества уменьшительно-ласкательных суффиксов, характерных для языков с развитой категорией диминутивности. Анализ языковых фактов позволил выявить высокие показатели частотности использования атрибутивов с семантикой «маленький, небольшой, малый» и др., слов «языка нянь» в рутульском языке, что связано с необходимостью восполнения дефицита способов выражения семантики диминутивности на морфологическом уровне и низкой частотности употребления их в речи.

Высокая степень имплицитности эмотивных концептов в дагестанских языках и специфика их выражения вызывают в ряде случаев необходимость признания безэквивалентными слов с диминутивными суффиксами при переводе с языков с более развитой категорией диминутивности.

Литература

1. Ибрагимов, Г.Х.; Алисултанов, А.С.; Султанаева Г.А. Словообразование в рутульском языке [Текст] / Г.Х. Ибрагимов, А.С. Алисултанов, Г.А. Султанаева; Издательство ИЯЛИ ДНЦ РАН. – Махачкала: 2007. – 254 с.
2. Махмудова, С.М. Фразеологический словарь рутульского языка [Текст] / С.М. Махмудова; Издательство Эпоха. – Махачкала: 2016. – 215 с.
3. Махмудова С.М. (2018) Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта «Этика» («Абыр») в национальной картине мира рутулов. Язык и текст. Т. 5, № 2. Стр. 75-81.
4. Махмудова С.М. Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. филол. наук/С.М. Махмудова. - М., 2002.
5. Махмудова С.М. Рутульская литература. /С.М. Махмудова. - Махачкала, «Народы Дагестана», 2008.

Features of the implementation of the semantics of diminutiveness in the Rutul language

Mariza I.O.,

Doctor of Philology, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Scientific Center, RAS, Makhachkala

The article formulates general provisions that were the result of an analysis of the ways of expressing diminutiveness in the Rutul language. Based on the analysis of the factual material, the prevalence of lexico-semantic means for the realization of the semantics of diminutiveness in the Rutul language is revealed, which is caused by the need to fill the lack of morphological diminutive formations.

Keywords: category of diminutiveness, semantics of diminutiveness, rutul language.

References

1. Ibragimov, G.H.; Alisultanov, A.S.; Sultanaeva G.A. Slovoobrazovanie v rutul'skom yazyke [Tekst] / G.H. Ibragimov, A.S. Alisultanov, G.A. Sultanaeva; Izdatel'stvo IYALI DNC RAN. – Makhachkala: 2007. – 254 s.
2. Mahmudova, S.M. Frazelogicheskij slovar' rutul'skogo yazyka [Tekst] / S.M. Mahmudova; Izdatel'stvo Epoha. – Makhachkala: 2016. – 215 s.
3. Mahmudova S.M. (2018) YAzykovaya reprezentaciya aksiologicheskoy dominanty koncepta «Etika» («Abyr») v nacional'noj kartine mira rutulov. YAzyk i tekst. T. 5, № 2. Str. 75-81.
4. Mahmudova S.M. Grammaticheskie klassy slov i grammaticheskie kategorii rutul'skogo yazyka. Avtoref. diss. na soisk. uch. st. d. filol. nauk/S.M. Mahmudova. - M., 2002.
5. Mahmudova S.M. Rutul'skaya literatura. /S.M. Mahmudova. - Makhachkala, «Narody Dagestana», 2008.

Метафоры войны в киноновелле Кшиштофа Кесьлевского «Не лжесвидетельствуй» из цикла «Декалог»

Гусева Е.В.,

Кандидат филологических наук, кафедра «Зарубежной и русской филологии»
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия,
lemuelle@yandex.ru

В статье рассматривается киноновелла Кшиштофа Кесьлевского «Не лжесвидетельствуй» из цикла «Декалог» (1989). Лейтмотивом этого короткого фильма-притчи является война, показанная сквозь призму многочисленных метафор, переходящих из сцены в сцену и логически связанных между собой. К ним, в частности, относятся падающая картина в доме центральной героини; лампа, которая постоянно выключается; разорванное письмо. Война в новелле предстает не только в прямом, но и в переносном значении слова: как состояние вражды между людьми, как внутренний разлад личности. Выделение метафор войны способствует пониманию ключевых идей фильма, осознанию его внутреннего сюжета, касающегося поисков смысла жизни, попыток персонажей обрести самих себя и примириться с окружающими.

Ключевые слова: Кшиштоф Кесьлевский, Кшиштоф Песевич, «Декалог», «Не лжесвидетельствуй», метафора, война, роль личности, свобода, нравственный выбор, диалог, образ ребенка, детство, «слезинка ребенка».

Для цитаты:

Гусева Е.В. Метафоры войны в киноновелле Кшиштофа Кесьлевского «Не лжесвидетельствуй» из цикла «Декалог» [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Guseva_2.shtml doi: 10.17759/langt.2019060207 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Guseva E.V. Metaphors of the war in the Kszysztof Kieslowski kinovellle «Do not bear false witness» from the «Decalogue» cycle [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Guseva_2.shtml doi: 10.17759/langt.2019060207 (Accessed dd.mm.yyyy)

Киноцикл «Декалог» (1989) – менее известное произведение Кшиштофа Кесьлевского по сравнению с исполненной драматизма трилогией «Три цвета» (1993 – 94) или лиричной «Двойной жизнью Вероники» (1991). «Светский вариант евангельских заповедей» [3, с. 44] вышел на экраны в 80-х годах прошлого столетия. О том, как возник замысел этого философского сериала, сам Кесьлевский в своей автобиографии пишет короткими, лаконичными фразами, будто дробя воспоминания на отдельные сцены кино: «Шел дождь. Было холодно. Я потерял перчатку. И вдруг Песевич говорит: “Надо бы снять фильм по десяти заповедям. И это должен сделать ты”» [5, с. 77]. После недолгих раздумий режиссер решил изложить библейские предания на языке нового времени, актуализировав вечные нравственные дилеммы посредством современной проблематики: «В середине 80-х в стране царил хаос – да и в жизни каждого из нас тоже. Напряженность, ощущение безнадежности, сгущающегося мрака. (...) За вежливой улыбкой скрывалось равнодушие, и я испытывал мучительное чувство, что все чаще встречаю людей, которые просто не знают, зачем живут» [5, с. 77]. В десяти коротких сериях-эпизодах режиссер обратился к жизни обыкновенных людей, своих соотечественников разных профессий, интересов и взглядов, показав, что в их подчас неприметном существовании, как и тысячи лет назад, отображается божественный замысел, находят свое воплощение или предаются поруганию божьи заповеди, борется нравственная тьма со светом

© 2019 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет» © 2019 Moscow State University of Psychology & Education

духовным. Каждая заповедь иллюстрируется в сериале драматичной, заостренной до конфликта ситуацией.

Лейтмотивом восьмой новеллы, «Не лжесвидетельствуй», становится война, вносящая хаос в людские жизни, безжалостно рушащая судьбы, убивающая надежду на будущее, веру в идеалы и любовь к окружающим. Та война, которая остается в сердцах людей спустя много лет после того, как стихают залпы орудий.

В киноистории можно выделить два сюжета: внешний, задающий ход немногим происходящим в серии событиям, и внутренний, связанный с глубинными психологическими изменениями персонажей, их поисками смысла и попытками обрести самих себя. Внешний сюжет разворачивается вокруг судьбы девочки Эльжбеты, еврейки по происхождению, которую во время войны отказалась принять семья поляков-католиков, мотивировав это тем, что подобный шаг стал бы преступлением против их веры. Спустя долгие годы, подросший ребенок, выживший по счастливой случайности, так и не смог примириться с тем давним отказом от дома, который чуть не привел его к гибели.

Незажившая душевная рана становится причиной того, что повзрослевшая Эльжбета (Элизабет Лоуренс), переехав в Америку, посвящает себя исследованию преступных и героических деяний военных лет. Она работает в американском институте, который изучает судьбы евреев, спасенных во время войны. Впоследствии она отыскивает женщину, которая когда-то ее предала, желая понять, что в действительности ею руководило.

Внутренний сюжет, представляющийся более значимым для режиссера, связан как с переживаниями самой Эльжбеты, так и той женщины, которая сыграла роковую роль в ее судьбе, – преподавателя, профессора университета Зофьи. В диалогических сценах, с крупными планами героинь, мы видим их душевные метания, затаенную боль, попытки понять и простить друг друга. Лишь поначалу героини кажутся антиподами, позже оказывается, что у них намного больше общего, чем представлялось. По сути, это одна жизнь, прожитая на двоих, потому что Эльжбета, как выясняется, на протяжении многих лет не прекращала следить за тем, как живет Зофья, а Зофья, в свою очередь, так и не смогла никогда забыть о девочке, которую она когда-то не приняла. Диалогическая форма повествования киноновеллы оборачивается «диалогом» судеб героинь.

Стремление визуальными средствами показать движения души отдельной личности, в целом характерно для режиссуры Кесьлевского: «Моя цель – увидеть наш внутренний мир, запечатлеть неподвластное камере. К этому можно лишь приблизиться. Мне кажется, это главная задача искусства...» [5, с. 105]. Киноновеллу, как и весь цикл, отличает сдержанная манера изложения: вместо надрывных сцен и активных действий здесь – воспоминания, разговоры, обмен репликами и взглядами. Вместо крика отчаяния – тихая проникновенная речь. О центральной для картины истории Эльжбеты мы узнаем из ее ретроспективных рассказов и из вступительной сцены – своеобразного предисловия к фильму: в этом черно-белом эпизоде – резко контрастирующем по тональности с последующей сценой, насыщенной яркими весенними красками, – по вечернему городу идет мужчина, держащий за руку маленькую девочку. Позже мы узнаем, что это был связной, который вел шестилетнюю Эльжбету улицами Варшавы в попытках найти пристанище.

Намеренная скупость киноизложения восполняется многочисленными метафорами, переходящими из сцены в сцену и так или иначе отсылающими зрителей к теме войны. Войны, рассмотренной не только в прямом смысле этого слова, но и в переносном – как состояния вражды между людьми и внутреннего разлада личности.

Согласно словарю литературоведческих терминов, метафора представляет собой «вид тропа, в котором отдельные слова или выражения сближаются по сходству их значений или по контрасту. (...) Помимо словесной метафоры, большое распространение в художественном творчестве имеют метафорические образы или развернутые метафоры» [9, с. 208]. К трем основным видам метафор относятся «олицетворение – перенос признака живого лица на неживой предмет (...); овеществление

– перенос признака неживого предмета на живое лицо (...); отвлечение – перенос признака конкретного явления (лица или предмета) на явление абстрактное, отвлеченное» [2, с. 779].

Метафора может выступать не только в качестве яркого средства выразительности, но и как эффективное средство мыслительной деятельности, отвечающее «способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов» [1, с. 15]. Известный исследователь метафоры, Р. Хофман, писал: «Метафора исключительно практична. (...) Она может быть применена в качестве орудия описания и объяснения в любой сфере: в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике. Метафора, где бы она нам ни встретилась, всегда обогащает понимание человеческих действий, знаний и языка» [10, с.152].

Что касается метафоры в кино, то она выражается преимущественно при помощи специфического киноязыка: это может быть, например, крупный план на каком-нибудь объекте или детали, особый монтаж, игра со светом, смена скорости показа эпизодов. Ю. Лотман и Ю. Цивьян в книге «Диалог с экраном» выделяют изобразительные и пластические метафоры в киноискусстве: «Силой метафоры иногда обладает элемент изображения или изображение в целом, внезапно отсылающее нас к реальности другого плана» [7, с. 171]. Кинометафоры могут также подразделяться на статические и динамические. Динамическая метафора в фильме появляется неоднократно, и, в отличие от статической, она развивается по ходу сюжета, дополняя, а подчас и трансформируя свой изначальный смысл: «Ее значение понятно после первого использования и с каждым следующим появлением автор развивает ее все больше. Она часто используется в отношении к нескольким персонажам и появляется в новых ситуациях и местах действия. Именно поэтому она и обладает таким значением: эта идея проходит через линии нескольких персонажей, она противопоставляется другим идеям, нам напоминают о ней на протяжении всего фильма. В роли динамической метафоры может выступить что угодно: целое здание, предмет одежды или реквизита» [4]. В фильмах К. Кесьлевского преимущественно встречаются именно динамические метафоры, претерпевающие развитие в течение экранного времени.

Кшиштоф Песевич, комментируя роль метафоры в фильмах Кесьлевского, пишет, что та «метафора, которая вытекает из логичного, реалистичного описания окружающего мира и человеческих взаимоотношений, хотя ее и сложно найти, – фантастический инструмент для того, чтобы донести до сознания людей важные вопросы» [8]. Так, своеобразной метафорой внутреннего разлома, войны с самой собой становится постоянно падающая картина в доме Зофьи. Героиня неоднократно поправляет ее, но безрезультатно. В постоянном падении картины видится нарушение идеальной целостности жизни героини – напоминание о том неблагоприятном поступке, который она когда-то совершила и о котором постоянно вспоминала впоследствии. Другие ее действия в военные и послевоенные годы были безупречны, что признает даже Эльжбета, несмотря на свое предвзятое отношение: «Ваши действия, уже после случая со мной, известны. Благодаря Вам, несколько человек с подобными судьбами живы до сих пор». Падающая картина также визуально отображает внутреннее одиночество Зофьи, ее заброшенность в мире. Такими же маркерами одиночества и уязвимости героини становятся лампа, которая постоянно выключается; не работающая газовая плита на кухне; машина, которая не заводится с первого раза.

Манера съемки «Декалога» близка к документальной – камера выхватывает из реальности обыденные и, на первый взгляд, мало чем примечательные детали. Так, Зофья, возвращаясь со своей утренней пробежки, встречает соседа-филателиста и заговаривает с ним; зайдя в подъезд, она разрывает полученное письмо; в университете, идя по коридору, здороваются со студентами. Тем не менее, каждый из этих бытовых эпизодов – отрывков из жизни – имеет свое значение в контексте фильма, каждая мелочь вносит свой вклад в осознание целого. Например, зритель может домыслить, что разорванное письмо предназначалось сыну героини, который давно не живет с ней вместе; любовь соседа-филателиста к маркам подобна любви к детям; уважительное отношение студентов к Зофье подчеркивает, что ее труд не напрасен:

« – Что Вы говорите своим студентам? Как жить?
– Я с ними, чтобы они сами до всего дошли».

Кесьлевский, создавая эффект присутствия, заставляет зрителей буквально вживаться в судьбы своих «обычных» героев – сопереживать им, сопоставляя их проблемы и горести со своими собственными. Это и позволяет отнести его фильмы к так называемому «кино морального беспокойства» [6, с. 45], пробуждающему людей ото сна, заставляющему вспомнить о главных ценностях – любви, понимании, взаимопомощи.

Об этих же вечных ценностях напоминает и семинар, который проводит Зофья со студентами – он становится кульминационным для всей киноновеллы. На занятии рассматривается тема душевного ада. В этом прослеживается переключка как с судьбой главной героини, ее личной трагедией, так и с судьбой Эльжбеты, приехавшей из Штатов, чтобы посетить занятие профессора, ведь обе женщины не смогли полностью оправиться от травм военного времени. Постепенно от выдуманных историй с драматичным сюжетом студенты переходят к реальным. Грань между вымыслом и жизнью окончательно стирается, когда Эльжбета решает на занятии рассказать о своей судьбе.

Нравственный императив эпизода, произошедшего сорок лет назад, в том, что «жизнь ребенка – самое главное». Эльжбета повествует о паре поляков, которые отказывают девочке-еврейке в спасении, мотивировав это тем, что они не могут решиться на обман по отношению к тому, в кого верят. Студенты понимают, что это ложный мотив, лживое свидетельство, и пытаются найти истинные причины подобного поведения супругов. Может быть, это страх? Иллюзия веры, но не истинная вера в Бога?

Любопытно то, что посередине психологически насыщенного рассказа Эльжбеты в аудиторию врывается пьяный студент. Это еще один случайный эпизод, который, с одной стороны, отчасти снимает напряжение, царящее на занятии, ведь Зофья постепенно догадывается, что рассказываемая история не выдумана, что она сама – ее прямая участница: женщина, пославшая ребенка на верную гибель. С другой стороны, в лице этого эпизодического персонажа мы вновь сталкиваемся с воплощением темы душевного ада, разлада внутри личности, ведь пришедший человек явно не помнит себя, он забыл или утратил свои ценности и не живет в гармонии с самим собой. Таким образом, Кесьлевский вновь демонстрирует нам тонкую грань между событиями, происходящими в притчах и в реальном мире, в фильме и в жизни.

После занятия женщины встречаются и едут на улицу Ноаковского, где когда-то произошли описанные драматические события. Здесь давняя история отчасти проигрывается заново, получая обратное повторение. Зофья, потеряв из виду Эльжбету, начинает искать ее в подъезде, в квартирах дома. Повсюду царят отчуждение, неприязнь, вражда. Соседи по коммунальной квартире почти не общаются. В конце концов один из озлобленных жильцов выгоняет Зофью из дома, где она сама когда-то жила, крича ей вслед: «Пошла вон! Пошла вон отсюда!». Через эту метафоричную сцену Кесьлевский вновь демонстрирует отголоски войны в жизни современных ему людей: их страх, недоверие и агрессию по отношению друг к другу. Интересно и то, что в этом эпизоде сама Зофья стала гонимым человеком, которому отказали от дома, от помощи. Ее, как когда-то Эльжбету, выгнали на улицу. Круг замкнулся. Символически ребенок и взрослый поменялись местами. За бесплодными поисками Зофьи Эльжбета наблюдает со стороны. Представляется, что для нее это своего рода психологический эксперимент. Если Ф.М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» сделал «слезинку ребенка» зримым образом крушения мира, то Кесьлевский в восьмой части «Декалога» показал мир уже после разлома, глазами выросшего дитя, пострадавшего когда-то от людской несправедливости и выступающего теперь в роли судьбы. Эльжбета неоднократно пытается выяснить у Зофьи, почему одни люди призваны спасать, а другие – быть спасенными. Ей представляется, что вторая роль унижительна для человека. Она сорок лет не была в Польше и объясняет это тем, что «у людей не возникает желания встречаться со свидетелями их унижения, даже если это просто стены дома».

Наконец, между женщинами происходит долгожданное объяснение: Зофья рассказывает Эльжбете, чем было вызвано ее жестокое по отношению к ней поведение. Причина оказывается по-человечески понятной: была получена информация, что люди, у которых жила девочка, работали на Гестапо. Якобы через ребенка тайная государственная полиция могла выйти на членов подпольной организации, что привело бы к прекращению их деятельности, ко множеству жертв. Эльжбета – с позиции ребенка – хочет видеть мир черно-белым и знать наверняка, кто прав, а кто нет, кто спаситель, а кто жертва. Зофья же философски говорит о том, что никто никогда не знает заранее, как он поступит. Многое зависит от ситуации, которая пробуждает в человеке добро или зло. «Тот вечер не пробудил во мне добра», – грустно замечает она. Жертвы и палачи – не всегда антиподы. Как наглядно показывает нам Кесьлевский, очень часто, особенно в ситуациях военного времени, они выступают в одном лице.

Таким образом, в фильме «Не лжесвидетельствуй», повествующем о 1980-х годах, присутствует множество явных и скрытых отсылок к войне, метафор вражды и внутриличностного разлада. Но есть и то, что этой войне противопоставлено. Это искренние человеческие чувства и душевные связи между людьми. Это красота природы – неслучайно дважды за серию мы видим Зофью в пробуждающемся, озаренном светом и наполненном птичьими трелями весеннем лесу. Каждый день Зофья покупает белые цветы – символ изначально прекрасного мира, детской чистоты и невинности. Но и этот символ оказывается отчасти отравленным жестокой действительностью. Собственный ребенок Зофьи, ее сын, не живет с ней вместе, и на вопрос о том, где он сейчас, она отвечает, не желая вдаваться в подробности: «Далеко от меня». За этой короткой репликой приоткрывается еще одна история разлада, войны и непонимания внутри семьи. Ведь имеется в виду прежде всего не географическое расстояние, но душевная пропасть между когда-то родными людьми. Так мы – на этот раз через семейную историю Зофьи – снова возвращаемся к ключевому для всей киноновеллы образу потерянного ребенка, который, в свою очередь, является зримым воплощением несовершенного мира, мира враждующего.

Такой же отравленной многими печальными внешними событиями оказывается и жизнь связанного, который когда-то спас Эльжбету от верной гибели, укрыв ее у своих родственников. Элизабет находит его – он работает портным в маленьком ателье – и хочет поблагодарить за свое спасение. Но он не желает разговаривать с ней: «Я не хочу говорить о том, что было во время войны. Не хочу говорить о том, что было после войны. Не хочу говорить о том, что происходит теперь». Война завершилась, но ее следы остались повсюду, нанесенные ею травмы – в судьбе каждого. И люди по-своему ищут если и не избавления, то хотя бы забвения этих травм. Кто-то – закрываясь от людей и от воспоминаний, как портной; кто-то – уезжая в другую страну, чтобы вернуться на далекую, утраченную родину лишь через сорок лет, как Эльжбета; кто-то – вовлекаясь в активную работу и взаимодействуя с людьми, но оставаясь при этом во многом душевно замкнутым, как Зофья.

В восьмой части «Декалога» Кесьлевский поднимает сложные, а подчас и неразрешимые вопросы о роли отдельной личности в истории, об ответственности за свои поступки, о поисках смысла жизни. По сути, на протяжении всего фильма мы видим не реальность, но ее всегда изменчивое отображение во взглядах разных людей. Так, война перестает быть единообразным коллективным опытом людей, а становится лично переживаемой трагедией каждого. Она распадается на тысячи историй, которые рассказываются режиссером на языке метафор. Выявление и анализ этих метафор способствуют пониманию авторского замысла.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. *Метафора и дискурс // Теория метафоры: сборник.* – М., Прогресс, 1990. – С. 5 – 32.
2. Горкин А.П. *Литература и язык. Современная иллюстративная энциклопедия.* – М.: Росмэн, 2006. – 1680 с.

Гусева Е.В.
Метафоры войны в киноновелле Кшиштофа
Кесьлевского «Не лжесвидетельствуй» из цикла
«Декалог»
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 44–50.

Guseva E.V.
Metaphors of the war in the Kszysztof Kieslowski
kinovellle «Do not bear false witness» from the
«Decalogue» cycle
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 44–50.

3. Елисеева Т.Н. Режиссеры польского кино (справочник). – М.: Материк, 2007. – 128 с.
4. Как использовать динамические метафоры в сценарии(перевод статьи Дженнифер Ван Сижл «Кем был бы “Гражданин Кейн” без розового букета»). URL:http://www.cinemotionlab.com/stati/Kak_ispolzovat_dinamicheskie_metafori_v_scenarii/(дата обращения: 23.03.2019)
5. Кеслевский К. О себе: Запись Дануты Сток. – М.: Новое издательство, 2010. – 132 с.
6. Колодынский А. Пути польского кино [Очерк: перевод с польск.]. – М.: LegeArtis, 2006. – Варшава: Институт им. Адама Мицкевича, 2006. – 76 с.
7. Лотман Ю., Цивьян Ю. Диалог с экраном. – Таллинн, Александра, 1994. – 214 с.
8. Песевич К. «Приятие человеческой слабости...» URL:
http://www.chaskor.ru/article/kshishtof_pesевич_priyatie_chelovecheskoj_slabosti_17951 (дата обращения: 23.03.2019)
9. Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
10. Hoffman R.R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // *Metaphor and Symbolic Activity*, 1987. – Pp. 152.

Metaphors of the war in the Kszysztof Kieslowski kinovelle "Do not bear false witness" from the "Decalogue" cycle

Guseva E.V.,

*Candidate of Philological Sciences, Department of Foreign and Russian Philology, MSUPE,
Moscow, Russia*

The article deals with the Kinowell of Krzysztof Kieslowski "Do not bear witness" from the cycle "Decalogue" (1989). The leitmotif of this short film-parable is the war, shown through the prism of numerous metaphors, moving from scene to scene and logically interconnected. These include, in particular, the falling picture in the house of the central heroine; a lamp that constantly turns off; broken letter. The war in the novel is presented not only in the direct, but also in the figurative sense of the word: as a state of enmity between people, as an internal disorder of personality.

Keywords: Krzysztof Kieslowski, Krzysztof Pezevich, "Decalogue", "Do not bear false witness", metaphor, war, the role of personality, freedom, moral choice, dialogue, image of a child, childhood, "a tear of a child".

References

1. Arutyunova N.D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory: sbornik. – M., Progress, 1990. – S. 5 – 32.
2. Gorkin A.P. Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrativnaya enciklopediya. – M.: Rosmen, 2006. – 1680 s.
3. Eliseeva T.N. Rezhissery pol'skogo kino (spravochnik). – M.: Materik, 2007. – 128 s.
4. Kak ispol'zovat' dinamicheskie metafory v scenarii(perevod stat'i Dzhennifer Van Sizhl «Kem byl by "Grazhdanin Kejn" bez rozovogo buketa»).URL:[http://www.cinemotionlab.com/stati/Kak_ispolzovat_dinamicheskie_metafori_v_scenarii/\(data obrashcheniya: 23.03.2019\)](http://www.cinemotionlab.com/stati/Kak_ispolzovat_dinamicheskie_metafori_v_scenarii/(data_obrashcheniya:23.03.2019))
5. Keslevskij K. O sebe: Zapis' Danuty Stok. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2010. – 132 s.
6. Kolodynskij A. Puti pol'skogo kino [Ocherk: perevod s pol'sk.]. – M.: LegeArtis, 2006. – Varshava: Institut im. Adama Mickevicha, 2006. – 76 s.
7. Lotman YU., Civ'yan YU. Dialog s ekranom. – Tallinn, Aleksandra, 1994. – 214 s.
8. Pesevich K. «Priyatie chelovecheskoj slabosti...» URL: http://www.chaskor.ru/article/kshishtof_pesevich_priyatie_chelovecheskoj_slabosti_17951 (data obrashcheniya: 23.03.2019)
9. Timofeev L. I., Turaev S. V. Slovar' literaturovedcheskih terminov. – M.: Prosveshchenie, 1974. – 509 s.
10. Hoffman R.R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? // Metaphor and Symbolic Activity, 1987. – Pp. 152.

Лингвокультурное влияние испанского языка (латиноамериканских разновидностей) на американский вариант английского языка

Уткина Л.Н.,

кандидат филологических наук, доцент, кафедра «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» ИИЯСКУ, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, loraut@mail.ru

В статье показано взаимодействие двух языков (испанского и английского) в диахронии и синхронии (влияние латиноамериканских вариантов испанского языка на американский вариант английского языка в последние десятилетия). Описана языковая ситуация в США в связи с большим числом иммигрантов из Латинской Америки, а также их культурное влияние на образ жизни южных и юго-западных штатов США. На основе анализа научных и газетных публикаций, видео и интернет сайтов продемонстрировано влияние испанского языка и культуры на американский вариант английского языка и культуру южных штатов США.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, латиноамериканский вариант испанского языка, языковая ситуация в южных штатах США, влияние латиноамериканской культуры и испанского языка иммигрантов на жизнь и язык юга США.

Для цитаты:

Уткина Л.Н. Лингвокультурное влияние испанского языка (латиноамериканских разновидностей) на американский вариант английского языка [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Utkina.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060208 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Utkina L.N. Linguocultural influence of Spanish (Latin American varieties) on American English [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst* [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Utkina.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060208 (Accessed dd.mm.yyyy)

Данная статья продолжает исследование языковой ситуации в США, начало которому было положено в публикации, посвященной влиянию афроамериканского варианта английского языка на стандартный американский английский, что произошло в связи с выборами на пост президента страны афроамериканца Барака Обамы [4]. США – многонациональное государство, а значит, проводить здесь правильную языковую политику совсем непросто. Это касается в том числе и отношения государства к преподаванию иностранных языков как в школе, так и в высших учебных заведениях. Поскольку английский язык давно стал языком мирового общения (главным образом, из-за роли США в мире), власти страны не считали необходимым серьезное отношение к иностранным языкам. Это ясно прослеживается, например, в их отношении к русскому языку, его преподаванию и изучению. Данная проблематика нашла широкое отражение в работах И.В. Зенкевич, которая рассматривает подробную историю преподавания русского языка в США как в диахронии, так и на современном этапе [2; 3]. Сейчас ситуация начинает быстро меняться, и государство разрабатывает новый подход к преподаванию иностранных языков вообще, а американский бизнес оказывает предпочтение тем работникам, которые знают один или более иностранных языков [6].

Хотя английский язык (в своей стандартной форме) несомненно является самым коммуникативно и функционально мощным языком в стране, но факт привлечения внимания к афроамериканскому языку (Ebonics), а в последнее время (несколько десятилетий) и к испанскому

языку говорит о том, что ситуация в стране меняется, а в последние годы, меняется очень сильно. Наряду с английским он является официальным на острове Пуэрто-Рико и в штате Нью-Мексико, возрастает также его роль на телевидении. В связи с этим, представляется интересным исследовать влияние латиноамериканских разновидностей испанского языка на американский вариант английского языка, что и стало целью данного исследования.

Языки мира в большей или меньшей степени взаимодействуют друг с другом и, таким образом, оказывают влияние друг на друга. Это может быть подтверждено как исторически (в диахронии), так и на современном этапе (в синхронии). Что касается влияния испанского языка на английский, то его можно и нужно анализировать с учетом этих двух аспектов. Начало их взаимодействия относится к эпохе средневековья, когда в конце 15 столетия Испания начала строительство империи, основывая колонии по всему миру и становясь великой державой. Географическая близость, участие в Крестовых походах, торговые взаимоотношения, династические связи, а затем и соперничество (войны) способствовали языковому взаимодействию и, соответственно, заимствованию лексики. Наиболее значимыми словами в английском языке, попавшими в него из испанского (иногда при посредстве французского) или его вариантов, можно посчитать *ambassador, tornado, comrade, canyon, ranch, negro, siesta, hurricane, alligator, caiman, mosquito, tomato, potato, banana, chocolate, cocoa, cacao, cigar, tobacco, barbecue, tango, cork, rumba, cargo, cafeteria*. Многие же другие заимствования – это экзотизмы и варваризмы.

Но и в наше время, несмотря на то, что в большей мере именно английский язык воздействует на многие другие языки мира, в том числе и на испанский, можно, тем не менее, констатировать определенное влияние испанского языка и культуры на английский язык [1]. На современном этапе особенно можно выделить лингвокультурное влияние латиноамериканских разновидностей (мексиканской, кубинской и др.) на американский вариант английского языка.

Это связано как с географическими факторами (близость расположения государств), так и с социально-экономическими, политическими и культурными (большое число переселенцев из Латинской Америки в США, достаточно высокий престиж иберийской и латиноамериканской культуры в мире: музыка, живопись, литература).

Цель данной статьи – проанализировать те изменения в американском варианте английского языка, которые в нем происходят из-за «мощного» лингвокультурного воздействия латиноамериканцев, проживающих в США, и их родного языка.

Число испаноязычных американцев составляет более 50 млн. человек, это более 16 % всего населения США (данные 2010 года). По данным 2016 года число таких жителей составляло уже 57 млн. человек. В Калифорнии число их больше, чем англоговорящих американцев. Более 20% населения США разговаривают дома не на английском языке (данные 2017 года). Население это сконцентрировано в основном в юго-западных штатах: Калифорнии, Техасе и Флориде. В этом основную роль играют географический (близость к Родине – настоящей или бывшей) и климатический факторы (климат частично схож с теплым климатом родных стран). Названия городов в этих штатах почти все испанские – Санта Фе, Сан-Антонио, Сан-Диего, Сан-Хосе, Лас Вегас, Санта-Барбара, Санта-Клара, Санта-Крус, Орландо, Аламеда, Тибурон, Колорадо, Флорида, Эль-Пасо. Улицы во многих из них тоже испанские с домами в испанском стиле. Поэтому и английский язык называют в этих местах «испанским омлетом». Также стоит отметить, что многие названия газет, даже на английском языке, могут быть испанскими или, по крайней мере, включать слова на испанском языке - *ContraCostaTimes, LaOpinión, LaVozdeBrazoriaCounty, PoliticoMagazine, HernandoToday, laGaceta* (газета на 3 языках, но сама форма слова – испанская). С начала 18 века многие американские названия газет включали слово *Gazette* (французская форма слова), и до сих пор в некоторых названиях оно встречается в этой форме - *theOsceolaNews-Gazette*.

Число испаноговорящих американцев в этой части страны постоянно увеличивается – не всегда и не все переселенцы хотят и могут в совершенстве овладеть английским языком. Это вызывает тревогу основного населения, поэтому правительства некоторых штатов уже ввели на своих

территориях закон об официальном статусе английского языка. Но также предпринимаются попытки придать такой же статус и испанскому языку. Делать предсказания о будущем решении данного вопроса – дело благодарное, но вот оценить, что уже произошло с английским языком под воздействием испанского языка и культуры – вполне серьезная научная задача.

Представляется возможным установить отдельные примеры воздействия одного языка на другой на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом и грамматическом, а также в стилистическом плане (регистры речи ситуации использования). Но данная статья является только начальным этапом в решении данного вопроса, в связи с чем в ней будут приведены лишь отдельные, пока не обобщенные примеры.

Фонетическое влияние прослеживается в виде упрощения произносительных норм в американском варианте английского языка в юго-западных штатах. Звуки [θ] [ð] уже отсутствуют в большинстве латиноамериканских вариантов испанского языка, как впрочем, и в отдельных диалектах в самой Испании, а значит, не используются переселенцами и в английском языке. Лингвисты высказывают предположения, что данные звуки исчезнут и в английском языке вообще к 2066 году под влиянием многообразия культур [7].

Больше можно, конечно, сказать о лексическом влиянии, а именно о заимствовании слов. Очень интересным примером, причем историческим, можно назвать наименование школьного журнала в государственной средней школе города Беркли в Калифорнии. Школа была открыта в 1880 году, а первый журнал вышел в 1895 году и назывался *Crimson and Gold* (малиново-золотистый). Но уже в 1899 году он был переименован в *Olla Podrida* – испанское заимствование, означающее национальное блюдо простых испанцев (тушеное мясо с овощами), но уже в то время метафорически переосмысленное в английском языке и означавшее всякая всячина.

Как уже упоминалось, многие названия, особенно местных газет на юге США, включают испанскую лексику. Возьмем для примера название *La Voz de Brazoria County*. В этой двуязычной газете первые четыре элемента названия: артикль, существительное (голос), предлог и имя собственное – испанские (название округа образовано от испанского существительного *brazos* – руки, входящего в название реки, протекающей по территории округа – *the Brazos River*. Это сокращенная форма от первоначального испанского названия *Rio de los Brazos de Dios*, которое ей дали первые испанские переселенцы), и только пятое слово – *county* – английское. Структура данной газеты представляет несомненный интерес, так как испанские и английские тексты в ней чередуются, не являясь при этом параллельными переводами. В частности, один из номеров этой газеты, просмотренный для языкового анализа, дает достаточно много примеров комбинирования испанской и английской лексики [8]. Одно из объявлений в номере называется *La Raza Round Table* (что-то вроде Круглый стол человечества). Члены его собираются по субботам для обсуждения важных современных событий и совместно завтракают кукурузными лепешками (*tacos*): *Where friends and enemies come together for breakfast of tacos every Saturday and discuss the important issues of the day.*

Поскольку испанская (латиноамериканская) культура, в том числе и культура приема пищи, оказали и продолжают оказывать значительное влияние на данные регионы США, в американском варианте английского языка используется большое количество названий блюд латиноамериканской кухни – *tortillas, picadillo, frijoles, burritos, tamale, empanadas, paella, tequila, habichuelas*.

На первой странице – обращение редактора, в котором причудливо чередуются английские и испанские фразы:

Publisher's Statement – англ. (Обращение редактора)

Pensamientos – исп. (Мысли, размышления)

Далее приведем само обращение, чтобы было понятно, что это не один и тот же текст с параллельным переводом, а текст, в котором перемежаются испанские предложения (фразы) с английскими.

Bienvenidootravez a la Voz.Como siempre, el mes de Octubrepasademaciadorapido.Lots of news and good stories. You will notice that we went to 28 pages in this issue just to try and get in all the stuff for October and still we left out a lot.

Первые две фразы из обращения – на испанском языке. Наверное, это объясняется тем, что газета в первую очередь предназначена для чтения испаноязычными читателями. Следующие две фразы – на английском языке, что также понятно, так как газета печатается в стране, где пока большинство населения в качестве родного языка используют английский. Интересно также отметить, что в этом коротком отрывке присутствует название одного и того же месяца на двух языках. Взаимовлияние и взаимопроникновение двух языков совершенно очевидно.

Влияние латиноамериканской культуры также очень сильно в США, там также можно найти примеры взаимодействия двух языков, их одновременного употребления в одном предложении или фразе. На Facebook в 2009 году была создана платформа BeingLatino (слово для обозначения иммигранта из Латинской Америки, определение в Кембриджском словаре – человек латиноамериканского происхождения, проживающий в США), целью которой является образовывать, развлекать и объединять людей родом из Латинской Америки в разных частях мира. Слоганом организации является Entertainment, newsymasforLatinos. Два слова здесь – испанские, означают andmore(и другое). На этой платформе выкладываются видео (комедийный сериал) под общим названием LivingwithLatinos, где также можно встретить массу используемых вперемежку английских и испанских слов. Рекламное приглашение к просмотру данного сериала звучит так: Bringyournoseytiaorjealousnovio, sitback, relaxandenjoytheshow. Два слова здесь – испанские: tia (aunt) novio (fiancé). Название одной из серий Theperfectnovia. Одно слово здесь опять испанское novia (fiancée).

В американских средствах массовой информации печатается много статей о Латинос (или Hispanic – относящийся к выходцам из Латинской Америки), а также рассказы самих этих людей об их жизни в США. И почти во всех – снова комбинации из английских и испанских выражений. Например, в статье из TheLosAngelesTimes «Для меня быть Латинос означает жить между двух миров» [5] автор, который родился в Мексике, но с раннего детства жил в США, описывает свое детство и юность, чередуя в тексте два языка.

Ma would cook enchiladas en salsa verde and, at least once a week, would shove the phone in my face, “Ten, habla con tuabuelaquetequiereoír.” Translation: My grandma wanted to hear my voice.

Some speak English at work, hablanespañol en la casa or speak both languages con nuestros amigos — or no Spanish at all. Some fuse the two languages to say dondenos parkeamos, or “where do we park.”

Автор статьи справедливо утверждает, что испаноязычное население меняет политику, индустрию развлечений и культуру США. С этим нельзя не согласиться, так как есть много примеров успешных деятелей культуры США, являющихся выходцами из стран Латинской Америки. В заключение статьи хотелось бы также привести пример из личного опыта, подтверждающий сделанные выводы о влиянии испанского языка на американский вариант английского языка. Мой кубинский друг переехал в США вначале со своим сыном, а затем к ним присоединились его жена и дочь. Молодой кубинец-американец Алехандро после встречи сестры в аэропорту Майами выложил в Facebook фото встречи и сделал под ним такую подпись:

Al fin todosreunidos !!! Welcome to USA my sister.

Как видим, первое предложение здесь по-испански, а второе – по-английски.

Выводом из всех проанализированных примеров, а также многих дополнительных материалов, которые не вошли в данную статью, так как требуют дополнительного более глубокого анализа, является утверждение, что языковая ситуация в США меняется под воздействием разных факторов, одним из важнейших среди которых является влияние латиноамериканских вариантов испанского языка на американский вариант английского языка.

Литература

1. Ахмад А.О., Бабуян С.Р. Заимствованная лексика в английском языке: испанский пласт//Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №4(58): в 3-х ч. Ч.1. С.60-62. ISSN 1997-2911.[Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovannaya-leksika-v-angliyskom-yazyke-ispanskiy-plast>(дата обращения: 10.04.19)
2. Зенкевич И.В. А. К. Кулидж – популяризатор русистики в США [Электронный ресурс]// Язык и текст. 2016. Том 3. № 3. С. 78–85. doi:10.17759/langt.2016030307URL: http://psyjournals.ru/files/82988/langpsy_2016_n3_7_Zenkevich.pdf(дата обращения: 11.07.19)
3. Зенкевич И.В. Известные американцы и изучение русского языка в США в XIX веке [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. № 1. С. 135–141. doi:10.17759/langt.2019060123URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Zenkevich_full.shtml(дата обращения: 11.07.19)
4. Уткина Л.Н. Влияние языковой политики на языковую ситуацию в США на современном этапе // Мат-лы XI Международной научно-практической конференции «Лингвистические и культурологические традиции и инновации» 10-12 ноября 2011 г., Томск, 2011. С. 249-256.
5. BriandelosSantos. *Forme, being Latino means living between two worlds* // *The Los Angeles Times*, Sep. 16, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latimes.com/local/california/la-me-hispanic-heritage-month-20160916-snap-htmlstory.html>(дата обращения: 03.07.17)
6. *Future of work depends on language skills. Published May 28, 2019* [Электронный ресурс] //URL: <https://www.educationdive.com/spons/future-of-work-depends-on-language-skills/555560/> (дата обращения: 10.07.19)
7. Knapton S. *'Th' sound to vanish from English language by 2066 because of multiculturalism, say linguists* [Электронный ресурс] // *The Telegraph*, 28.09.2016 URL: <http://www.telegraph.co.uk/science/2016/09/28/th-sound-to-vanish-from-english-language-by-2066-because-of-mult/>(дата обращения: 23.05.17)
8. *La Voz de Brazoria County. Volume 10. Number 10. October, 2015.* [Электронный ресурс]URL: http://www.lavozdebrazoriacounty.com/La_Voz_Octoberr_2015_inter_.pdf(дата обращения: 15.04.18)

Linguocultural influence of Spanish (Latin American varieties) on American English

Utkina L.N.,

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, MSUPE, Moscow, Russia

The article shows the interaction of two languages (Spanish and English) in diachrony and synchrony (the influence of Latin American Spanish on the American version of English in the last decades). The language situation in the USA is described in connection with the large number of immigrants from Latin America, as well as their cultural influence on the lifestyle of the southern and southwestern US states. On the basis of the analysis of scientific and newspaper publications, videos and Internet sites, the influence of the Spanish language and culture on the American version of the English language and the culture of the southern states of the USA is demonstrated.

Keywords: American English, Latin American Spanish, the language situation in the southern states of the United States, the influence of Latin American culture and the Spanish language of immigrants on the life and language of the southern United States.

References

1. Ahmad A.O., Baluyan S.R. Zaimstvovannaya leksika v anglijskom yazyke: ispanskiy plast//Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2016. №4(58): v 3-h ch. CH.1. S.60-62. ISSN 1997-2911.[Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaimstvovannaya-leksika-v-anglijskom-yazyke-ispanskiy-plast>(data obrashcheniya: 10.04.19)
2. Zenkevich I.V. A. K. Kulidzh – populyarizator rusistiki v SSHA [Elektronnyj resurs]// YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 3. S. 78–85. doi:10.17759/langt.2016030307URL: http://psyjournals.ru/files/82988/langpsy_2016_n3_7_Zenkevich.pdf(data obrashcheniya: 11.07.19)
3. Zenkevich I.V. Izvestnye amerikancy i izuchenie russkogo yazyka v SSHA v XIX veke [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2019. Tom 6. № 1. S. 135–141. doi:10.17759/langt.2019060123URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Zenkevich_full.shtml(data obrashcheniya: 11.07.19)
4. Utkina L.N. Vliyanie yazykovoj politiki na yazykovuyu situaciyu v SSHA na sovremennom etape // Mat-ly XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Lingvisticheskie i kul'turologicheskie tradicii i innovacii» 10-12 noyabrya 2011 g., Tomsk, 2011. S. 249-256.
5. BriandelosSantos.Forme, being Latino means living between two worlds // The Los Angeles Times, Sep. 16, 2016 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.latimes.com/local/california/la-me-hispanic-heritage-month-20160916-snap-htmlstory.html>(data obrashcheniya: 03.07.17)
6. Future of work depends on language skills. Published May 28, 2019 [Elektronnyj resurs] //URL: <https://www.educationdive.com/spons/future-of-work-depends-on-language-skills/555560/> (data obrashcheniya: 10.07.19)
7. Knapton S. 'Th' sound to vanish from English language by 2066 because of multiculturalism, say linguists [Elektronnyj resurs] //The Telegraph, 28.09.2016 URL:

Уткина Л.Н.
Лингвокультурное влияние испанского языка
(латиноамериканских разновидностей) на американский
вариант английского языка
Язык и текст
2019. Том 6. № 2. С. 51–58.

Utkina L.N.
Linguocultural influence of Spanish (Latin American
varieties) on American English
Language and Text
2019, vol. 6, no 2, pp. 51–58.

<http://www.telegraph.co.uk/science/2016/09/28/th-sound-to-vanish-from-english-language-by-2066-because-of-mult/>(dataobrashcheniya: 23.05.17)

8. La Voz de Brazoria County. Volume 10. Number 10. October, 2015. [Elektronnyj resurs]URL: http://www.lavozdebrazoriacounty.com/La_Voz_Octoberr_2015_inter__.pdf(data obrashcheniya: 15.04.18)

Российский рынок труда в сфере образования

Махмудова С.М.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» Московского государственного психолого-педагогического университета rutulsveta@mail.ru

В статье рассматриваются задачи повышения эффективности взаимодействия сферы образования и рынка труда, особенности традиционной системы образования, а также роль учителя в современной российской системе образования.

Ключевые слова: российский рынок труда, образование, распад СССР, изменение социально-экономических условий, интеграция науки и бизнеса, подготовка кадров.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Российский рынок труда в сфере образования [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Makhmudova_2.shtml doi: 10.17759/langt.2019060209 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M. Russian labor market in education [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Makhmudova_2.shtml doi: 10.17759/langt.2019060209 (Accessed dd.mm.yyyy)

Изменившиеся в постсоветскую эпоху социально-экономические условия изменили также экономику и рынок труда, поставив перед населением жесткие условия поиска работы и обостряя тем самым ряд социальных проблем. С распадом СССР оказались невостребованными некоторые профессии, так как последовавший затем распад экономики повлек за собой закрытие заводов, фабрик, колхозов и совхозов, многих индустриальных центров, которые обеспечивали достаточно высокий заработок и доход подавляющему числу населения страны.

В этих условиях как перед населением, так и перед руководством России на первом плане оказалась стратегическая задача повышения эффективности взаимодействия сферы образования и рынка труда с целью насыщения рынка труда специалистами, готовыми выдержать конкуренцию не только в своей стране, но с коллегами за рубежом, так как усиливающиеся экономические и торговые контакты между странами обуславливают необходимость овладения профессией на мировом уровне и для интернационального рынка.

В условиях сложившейся рыночной экономики жизненной необходимостью явилась интеграция науки и бизнеса, науки и государственного рынка труда. При еще не сложившейся новой экономической формации возникла необходимость в поиске новых взаимоотношений между образовательными учреждениями и производством, при которых предприятия обеспечивались бы квалифицированными кадрами, отвечающими вызовам рыночной экономики.

В настоящее время бизнес (как государственные, так и частные предприятия) обращается к образованию как для набора, так и для подготовки кадров, которые сумеют не только выдержать конкуренцию, но и создавать её.

Вызовы времени заставляют традиционную систему образования пересмотреть самые основы, часто не отвечающие современным запросам, в связи с чем появляется массы новых форм, превращающих образование в «образовательный рынок», где государственные вузы и школы вынуждены конкурировать с частными, создавать и предлагать новые программы, отвечающие запросам бизнеса.

Данные изменения внедряются, как и все новое, весьма болезненно. Сложившиеся в постсоветскую эпоху реалии сферы образования в начальной и средней школе теряют актуальность в связи с тем, что традиционные представления о школе как о структуре, где особый упор делался не только на обучении молодого поколения, но и на нравственном воспитании человека на коммунистических идеалах, его духовном и эстетическом развитии, изжили себя со сменой политических ориентиров общества, а новый вектор воспитания современной молодежи, который бы соответствовал свойственным российскому народу вечным духовным поискам и высоким идеалам, не был предложен. Тот факт, что в современном образовании все больше внедряется мысль о том, что учитель – это менеджер, оказывающий услуги на рынке труда в сфере образования, что два важных процесса духовного и физического становления, издревле свойственные русскому народу, - процесс обучения и процесс воспитания, отныне предлагается развести по разным углам, в корне противоречит особенностям менталитета народа, и это на генетическом уровне не воспринимается, подсознательно отрицается, этому пытаются противостоять как школа, так и сам российский народ. Данное глубокое противоречие и служит причиной скрытого противостояния учителей и учеников в тех школах, где работают педагоги, получившие образование еще в советском вузе, с учениками, которые не понимают и не воспринимают традиционные этические ценности, или, наоборот, городские учителя продвинутых школ явно демонстрируют свое отношение к школе как к выгодному рынку труда, в то время как в сельских поселениях из-за низкой заработной платы в школах остаются работать или пожилые энтузиасты своего дела или молодые кадры, которые нигде больше не востребованы в силу разных причин.

Еще одна реалия современной российской школы, разрушающая ее изнутри, - это внедренный с 2001 года единый государственный экзамен (ЕГЭ), который опытные педагоги считают настоящей катастрофой образования и национальным бедствием. Специалисты не раз писали об убогости и узости подхода к среднему образованию с позиций ЕГЭ, о выхолащивании самой идеи школьного образования, фактически ориентированной на сдачу ЕГЭ, а не на приобретение знаний [1: 28-29], несколько раз законопроект об отмене ЕГЭ даже вносился в Государственную Думу, однако ожидаемый положительный эффект от ЕГЭ – возможность поступать в любой вуз по результатам ЕГЭ – сводится к нулю из-за отрицательных составляющих:

а) учащиеся сужают круг своих интересов, изучая только те предметы, которые нужны для сдачи тех экзаменов, которые они выбрали;

б) не все школы в стране имеют педагогический потенциал, способный подготовить детей к сдаче выбранных экзаменов, в результате чего дети из большинства школ на периферии лишаются возможности заниматься с компетентными преподавателями;

в) и самый большой минус – не сдал ЕГЭ – не можешь поступить никуда. И это служит самым большим психологическим грузом как для родителей, так и для детей, которые из-за этого давления не в единичном случае по стране совершали даже суициды;

г) не разработана в должной мере сама форма организации ЕГЭ – учащиеся выпускных классов, которые приходят в пункты сдачи экзаменов, подвергаются настоящим унижениям – обыск, надзиратели, чужие учителя, незнакомые школы, видеокамеры, сама ситуация жандармского контроля, создающая атмосферу страха и презумпции виновности, с которыми ранимые детские души не могут справиться, и неустоявшаяся еще психика не дает сосредоточиться на самих заданиях, отсюда и серьезные нервные срывы - все эти опыты проводятся над нашей молодежью, которая только-только вступает в жизнь, которой мы должны помочь, подставить плечо, показать педагогический такт;

д) форма сдачи ЕГЭ уже подразумевает недоверие к преподавателям, которые работали с учеником, преподаватель не имеет права ни принять экзамен, ни проверить написанное, ни выразить свое мнение, которое никому не интересно; роль преподавателя принижается ниже некуда, чем полностью подрывается авторитет учителя, который еще обязан прививать ученикам доброе, вечное, о чем при такой системе и речи нет; отсюда – отсутствие авторитета у учителя, что и служит основой инцидентов между учителем и учащимися;

е) при поступлении в вузы студент обнаруживает минимальные знания по тем предметам, по которым ЕГЭ не сдавал.

ЕГЭ безусловно положительное явление в том отношении, что выпускники любой школы страны могут поступить в любой вуз при наличии необходимого количества баллов. Но форму проведения данного экзамена следует пересмотреть с целью избежания психологического стресса у детей и у родителей. Большой ошибкой нашей системы образования является запугивание ЕГЭ и его последствиями. Следует так изменить условия сдачи выпускных экзаменов, чтобы выпускники имели право сдавать его несколько раз, например, начиная с девятого класса, каждый год сдавать по одному экзамену и сдавать его в своей школе своим преподавателям. Следует также предоставлять выпускникам право два или три раза сдавать ЕГЭ в последний год обучения, чтобы не перекрывать детям дорогу уже в начале жизненного пути.

Подобные изменения условий получения аттестата повысят авторитет учителя и доверие к школе, а значит, и к стране в целом. Не следует бояться, что все выпускники тут же сдадут ЕГЭ, получат высокие баллы и ринутся в лучшие вузы, - ЕГЭ не может ни принизить умственные способности выпускника, ни повысить, из школ всегда, как до ЕГЭ, так и во время него, выходили и будущие министры, и будущие доярки, жизнь все определяет сама.

Абитуриентами лучших вузов страны в настоящее время становятся те, кто на самом деле способен усвоить программу, однако большое количество способных выпускников школ остается учиться в регионах в силу материальных проблем: маленькие зарплаты в регионах, мизерные пенсии и унижающий размер стипендии даже в столичных вузах не дает возможности родителям поддержать детей материально в период их учебы или самим студентам содержать себя. И даже тот процент поступивших в лучшие вузы России не может посвятить себя полностью учебе, так как в основном студенты вынуждены работать, чтобы содержать себя, то есть на выходе выпускники периферийных вузов не получают достаточно знаний, позволяющих конкурировать с выпускниками центральных вузов, а выпускники крупных вузов страны вынуждены совмещать учебу с работой, что тоже не способствует повышению качества обучения.

Выход из сложившейся ситуации иногда ищут сами предприятия, создающие, как, например, РЖД, свои собственные вузы для подготовки себе специалистов в тесной связи науки и практики, или же выходящие в вузы на приемные экзамены для отбора себе будущих сотрудников.

В условиях появления конкуренции и в соответствии с требованиями рынка труда в сфере профессиональной подготовки высшие учебные заведения России также перестраивают свою политику и предлагают свое видение решения проблемы, среди которых создание и внедрение новых магистерских программ, дающих возможность как для успешной личностной реализации, так и для усвоения тех компетенций, которые требуются рынком труда, а также создание новых образовательных стандартов, учитывающих требования современной экономики. Таким образом, в российской действительности появляется тесная интеграция науки и рынка труда, способствующая прогрессу в социально-экономическом развитии страны.

В последнее время наблюдается еще одна интересная тенденция в развитии российской науки и повышении эффективности обучения в современных условиях – в российской системе высшего образования появился рейтинг эффективности вузов, который позволяет Рособрнадзору отслеживать работу вузов и закрывать вузы с низкими показателями, задавая таким образом вектор развития не только образования, но и самой страны [4].

Еще один вектор направления современного высшего образования в России – предложенная НИУ ВШЭ, проецирующим себя как центр качественного образования страны, новая модель образования: проект, направленный на формирование единого образовательного пространства, объединяющего диверсифицированные знания высококвалифицированных преподавателей НИУ ВШЭ (пока!). К созданию электронных курсов и реализации образовательных процессов с использованием дистанционных технологий присоединяется все большее количество вузов, предполагая образование единого образовательного пространства, где преподаватели ведущих вузов будут читать он-лайн лекции, которые могут принимать как форму обучения в не-ведущих

вузах по всей стране, то есть это новая интересная форма сетевого взаимодействия университетов страны.

Эффективность данного типа обучения покажет качество знаний тех студентов, которые в скором будущем должны слушать он-лайн лекции и сдавать экзамены своим преподавателям, которые априори не имеют права сами читать собственные лекции, а только проводить семинары вслед за он-лайн лектором.

Таким образом, российская система образования старается соответствовать современному пониманию и следовать за рынком труда в сфере образования, однако насколько хорошие плоды даст обучение в отдельности от воспитания (так как воспитание на он-лайн лекциях вряд ли предусматривается), покажет время. Во всяком случае, образование пока не полностью перешло на рельсы рыночной экономики, но наблюдается четкая к тому тенденция.

Литература

1. Полежаев В.Д., Барциц Р.Ц. ЕГЭ-2015: проблемы остаются, но пути их решения прослеживаются/ Наука и школа. - 2015. № 6. Стр. 28-39.
2. Александрова О.А. Экономика образования и экономическая политика государства // Экономика образования. – 2006, № 3. Стр. 4-19.
3. Линдберг М.Е. Традиционные и нетрадиционные формы получения высшего образования и перспективы трудоустройства // Экономика образования. – 2007. № 1 (38). Стр. 70-73.
4. Наводнов В.Г., Вильданов Р.К., Рыжакова О.Е. Семь оттенков мониторинга // Аккредитация и образование. – 2017. № 2 (94). Стр. 64-73.
5. Мотова Г.Н. Двойные стандарты гарантии качества образования: Россия в Болонском процессе // Высшее образование в России. -2018, № 11. Стр. 9-21.
6. Кирсанов А.И. Научная политика в условиях глобализации. Издательство Правительства Москвы; Департамент образования города Москвы; Московская государственная академия делового администрирования. М., 2007.
7. Кирсанов А.И. С. Хантингтон о “столкновении цивилизаций” в контексте глобальных трансформаций//Философия и общество, № 3 (51), 2008. Стр. 32-43.

Russian labor market in education

Makhmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communication and Management" of Moscow State University of Psychology and Education

The article deals with the tasks of increasing the efficiency of interaction between the education sector and the labor market, the characteristics of the traditional education system, and the role of the teacher in the modern Russian education system.

Keywords: Russian labor market, education, disintegration of the USSR, changing socio-economic conditions, integration of science and business, personnel training.

References

1. Polezhaev V.D., Barcic R.C. EGE-2015: problemy ostayutsya, no puti ih resheniya proslezhivayutsya/ Nauka i shkola. - 2015. № 6. Str. 28-39.
2. Aleksandrova O.A. Ekonomika obrazovaniya i ekonomicheskaya politika gosudarstva // Ekonomika obrazovaniya. – 2006, № 3. Str. 4-19.
3. Lindberg M.E. Tradicionnye i netradicionnye formy polucheniya vysshego obrazovaniya i perspektivy trudoustrojstva // Ekonomika obrazovaniya. – 2007. № 1 (38). Str. 70-73.
4. Navodnov V.G., Vil'danov R.K., Ryzhakova O.E. Sem' ottenkov monitoringa // Akkreditaciya i obrazovanie. – 2017. № 2 (94). Str. 64-73.
5. Motova G.N. Dvojnye standarty garantii kachestva obrazovaniya: Rossiya v Bolonskom processe // Vysshee obrazovanie v Rossii. -2018, № 11. Str. 9-21.
6. Kirsanov A.I. Nauchnaya politika v usloviyah globalizacii. Izdatel'stvo Pravitel'stva Moskvy; Departament obrazovaniya goroda Moskvy; Moskovskaya gosudarstvennaya akademiya delovogo administrirovaniya. M., 2007.
7. Kirsanov A.I. S. Hantington o "stolknovenii civilizacij" v kontekste global'nyh transformacij//Filosofiya i obshchestvo, № 3 (51), 2008. Str. 32-43.

Развитие устной речи билингвов с использованием современных интерактивных технологий

Коннова Д.М.,

магистр кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация» института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление» ФГБОУ ВО МГППУ

В статье проанализированы особенности развития речи билингвов. Рассмотрены и описаны современные интерактивные технологии обучения.

Ключевые слова: билингв, развитие речи, интерактивные технологии, устная речь билингва.

Для цитаты:

Коннова Д.М. Развитие устной речи билингвов с использованием современных интерактивных технологий [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Konnova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060210 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Konnova D.M. Lev Tolstoy and crimean tatar literature [Elektronnyi resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n2/Konnova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060210 (Accessed dd.mm.yyyy)

Речь билингва имеет свои особенности развития. Билингвизм активизирует развитие культурного поля человека, оказывает общее благоприятное воздействие на познавательные процессы, в частности, на мышление.

Понятие «билингвизм» тесно связано с терминами «речь», «речевая способность». Ханазаров К.Ф. считает, что «речевая способность является функциональной системой, формирующейся в психике носителя языка в процессе онтогенетического развития. К компонентам речевой способности относятся: фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, текстовые».

При развитии речи билингва выделяют такое понятие, как «родной язык», который, по определению О.С. Ахмановой, означает «усваиваемый человеком в раннем детстве путем подражания окружающим его взрослым». Родной язык является спорным моментом в биоэтнической семье, в этом случае говорят, что у детей два родных языка.

Э.М. Ахунзянов при определении родного языка приводит такие критерии, как «очередность овладения языком, национальная принадлежность, язык социума, уровень владения языком».

А.Ю. Кабушко подчеркивает, что «дети, которые развиваются в условиях билингвизма, являются неоднородной группой. У некоторых речь проходит стихийное развитие, без специальной помощи, другим необходимо целенаправленное, специальное внимание к развитию речи. Однако в обоих случаях для возникновения и полноценного речевого развития обязательна сформированность конкретных предпосылок».

В ряде европейских стран и Америке большое количество логопедов и врачей советуют родителям маленьких детей, которые растут в билингвальных условиях, прекратить использовать один из языков при процессе коммуникации с детьми. В основном рекомендуют произвести отказ от языка, который не применяется в общей среде. Например, в США логопеды часто предлагают родителям не разговаривать дома по-испански, ограничиваясь английским.

На самом деле, научно не доказано то, что восприятие двух или более языков является источником задержки усвоения языка или речевого расстройства, как нет доказательств и тому, что отказ от одного языка способствует улучшению усвоения другого.

Тем не менее, резкий отказ от использования «домашнего» языка родителями часто становится причиной возникновения серьезных психологических и эмоциональных трудностей и для родителей, и для ребенка.

Итак, ребенок пребывает в пространстве двуязычия (русского и родного), но одним (родным) он «владеет», а другим (русским) – наполовину. На определенном этапе обучения возникает необходимость изучения еще одного неродного языка (английского).

Следовательно, для ребенка свойственны ситуации, когда владение русским должно быть на таком же уровне, как и родным и иностранным. И, прежде чем изучать иностранный язык, необходимо освоить русский, так как процесс обучения в России происходит на русском языке.

Проведенный М.Ю. Боченковой анализ речевых и языковых трудностей детей-билингвов дошкольного и школьного возраста при билингвальном обучении предоставил возможность для выделения наиболее распространенных особенностей языкового развития данных детей при усвоении ими иностранного языка.

К типичным ошибкам, которые они допускают в связи со своим двуязычием, можно отнести следующие :

- перенос языковой модели родного языка на неродной: добавление лишних звуков в слова;
- при пересказе текста или рассказа используется ограниченный набор слов;
- невозможность усвоения интонации иностранного языка, большое количество орфоэпических ошибок в элементарных словах;
- трудности в понимании и употреблении иносказаний, пословиц, поговорок, подтекста, скрытого смысла;
- преобладание искаженного или неустойчивого звукопроизношения;
- замена твердых и мягких звуков;
- затруднения в самостоятельном составлении рассказа по сюжетной картинке или серии сюжетных картин.

Для успешного усвоения нового материала на неродном языке необходимо создание ряда условий обучения ребенка в билингвальной среде. К таким условиям относят следующие:

- в процессе обучения новому языку должны преобладать формы занятий, во время которых новый язык используется только в учебно-игровых ситуациях;
- вводить новые слова надо с учетом владения ребенком новым языком;
- педагоги должны руководствоваться методическими принципами построения собственной речи;
- учитывать умения ребенка задавать вопросы и слушать ответы, принимать участие в беседе, уметь охарактеризовать персонажа через его речь, воспроизводить установленные выражения;
- важно применение педагогами определенных средств и приемов объяснения материала.

«Выстраивая работу с детьми-билингвами, педагог должен тщательно отбирать речевые образцы (в соответствии с возрастом, интересом, степенью активности детей и так далее). Таким образом, методику организации занятий следует реализовывать посредством создания ситуаций, которые стимулируют инициативную речь: через ответные реплики в диалоге с опорой на высказывание собеседника; путем мотивированного выстраивания самостоятельных высказываний в игровом общении: от двухсловных предложений до рассказа-монолога; посредством усвоения традиционных формул общения» .

Любому ребенку свойственна возможность активного включения в деятельность, выбор нетрудных заданий, расширение кругозора. Это выступает в качестве важного фактора для

формирования познавательной активности, положительной мотивации обучения, повышения самооценки, преодоления ненужной застенчивости, стеснительности и робости.

В настоящее время учителями-практиками и методистами разработано немало форм групповой работы. Среди них можно выделить:

- разминки; творческие задания; работа в малых группах;
- обучающие игры (ролевые игры, имитации, деловые игры и образовательные игры);
- проектная методика (социальные проекты, соревнования, радио и газеты, фильмы, выставки, представления);
- изучение и закрепление нового материала (интерактивная лекция, работа с видео- и аудиоматериалами, наглядными пособиями, мозаика (ажурная пила), «ученик в роли преподавателя», «каждый учит каждого», использование вопросов, Сократический диалог);
- обсуждение сложных и дискуссионных вопросов и проблем («Шкала мнений», проективные техники, дебаты, «Один - вдвоем - все вместе», ПОПС-формула, «Карусель», «Смени позицию», «Дискуссия в стиле телевизионного ток-шоу», симпозиум);
- разрешение проблем («Мозговой штурм», «Дерево решений», «Переговоры и медиация», «Анализ казусов», «Лестницы и змейки»);
- пазл; кластер; сравнительная диаграмма; целенаправленное чтение и ряд других весьма эффективных приемов.

К наиболее интересным современным технологиям отнесены такие методы обучения билингва, как:

прием «Fishbone» (с англ. - «рыбный скелет»). Учащиеся передают содержание изученного или прочитанного материала по следующей схеме:

Голова верхние косточки нижние косточки хвост
вопрос темы ► основные понятия темы ► суть понятия ► ответ на вопрос

Записи должны быть краткими, представлять собой ключевые слова или фразы, отражающие суть.

Прием «ПОПС-формула» или «PRES-formula» (Position-Reason-Explanation or Example-Summary). Этот прием был создан Дэвидом Маккойд-Мэйсоном, профессором права из ЮАР. Он позволяет учащимся кратко и всесторонне выразить собственную позицию по изученной теме. В данном случае учащиеся записывают 4 предложения, которые отражают следующие моменты ПОПС-формулы: П - позиция; О - объяснение (или обоснование); П - пример; С - следствие (или суждение).

При оценке данного метода отмечается, каким критериям соответствует или не соответствует выступление того или иного студента.

Прием «INSERT» (с англ. «интерактивная размечающая система эффективного чтения и размышления»). При работе с текстом учащиеся делятся на группы. Каждый получает для проработки часть текста и подтему. Ученикам предлагается сделать пометки на полях («V» - уже знал, «+» - новое, «—» - думал иначе, «?» - не понял, есть вопросы). Следом идет обсуждение в группе и обмен информацией, и вся команда отчитывается по пройденной теме.

Прием «mindmap» (с англ. памятка, ассоциограмма) был разработан Тони Бьюзенем. Суть метода заключается в следующем: к основному понятию темы учащиеся добавляют различные определения, пояснения, детали, составные части таким образом, чтобы получилась развернутая схема с указанием взаимосвязи между различными элементами схемы. Данный прием можно использовать на этапах: введения в новую тему, систематизации знаний, повторении пройденного материала; при работе с текстом; при контроле усвоения материала.

Прием «Сиквейн» - это стихотворение, которое требует синтеза информации и материала в кратких выражениях, что позволяет описывать или рефлексировать по какому-либо поводу.

Правило написания «сиквейна»:

В первой строчке тема называется одним словом (обычно именем существительным).

Вторая строчка - это описание темы в двух словах (двумя прилагательными).

Третья строчка - это описание действия в рамках этой темы тремя словами.

Четвёртая строка - фраза из четырёх слов, показывающая отношение к теме.

Последняя строка - это синоним из одного слова, который повторяет суть темы.

Интерактивное обучение повышает мотивацию участников в решении обсуждаемых проблем, каждый вносит свой вклад в общий результат групповой работы, а процесс обучения становится более осмысленным и увлекательным. Это дает эмоциональный толчок к последующей поисковой активности участников, побуждает их к конкретным действиям.

Литература

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*- Москва: Светская энциклопедия, 1969 – С.532
2. Ахунзянов Э.М. *Двуязычие и лексико-семантическая интерференция*- Казань. Издательство Казан, 1979 – С. 163
3. Боченкова, М.Ю. *Дидактические, лингвистические и психолого-педагогические аспекты подготовки будущих педагогов к работе с детьми-билингвами.*// *Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ "Грани познания"* – Ставрополь – 2016 - №3 (46) – С.6-9.
4. Кабушко А.Ю. *Формирование предпосылок развития речи у детей-билингвов: логопедический аспект // Современные проблемы науки и образования, 2015 г. – С. 315-322*
5. Константинова А В *Особенности усвоения программы по обучению грамоте в школе с билингвальным образованием - Москва, 2010 г.- С. 57-63*
6. Ханазаров К.Х. *Критерии двуязычия и его принципы // Проблемы двуязычия и многоязычия. - Москва, Наука, 1972 - С. 119-124*

Development of bilingual speech using modern interactive technologies

Konnova D.M.,

Master of the Department "Linguodidactic and Intercultural Communication" of the Institute "Foreign Languages, Modern Communication and Management", MSUPE, Moscow, Russia

The article analyzes the features of the development of bilingual speech. Modern interactive learning technologies are reviewed and described.

Keywords: bilingual, language development, interactive technologies, bilingual oral speech.

References

1. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov- Moskva: Svetskaya enciklopediya, 1969 – S.532
2. Ahunzyanov E.M. Dvuyazychie i leksiko-semanticheskaya interferenciya- Kazan'. Izdatel'stvo Kazan, 1979 – S. 163
3. Bochenkova, M.YU. Didakticheskie, lingvisticheskie i psihologo-pedagogicheskie aspekty podgotovki budushchih pedagogov k rabote s det'mi-bilingvami.// Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal VGSPU "Grani poznaniya" – Stavropol' – 2016 - №3 (46) – S.6-9.
4. Kabushko A.YU. Formirovanie predposylok razvitiya rechi u detej-bilingvov: logopedicheskij aspekt // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya, 2015 g. – S. 315-322
5. Konstantinova A V Osobennosti usvoeniya programmy po obucheniyu gramote v shkole s bilingval'nym obrazovaniem - Moskva, 2010 g.- S. 57-63
6. Hanazarov K.H. Kriterii dvuyazychiya i ego principy // Problemy dvuyazychiya i mnogoyazychiya. - Moskva, Nauka, 1972 - S. 119-124